

С. 2

Могла ли Россия не воевать с Германией?

Многие материалы номера – размышление о том, что случилось сто лет назад. История не знает сослагательного наклонения, но мы не можем не оборачиваться к своему прошлому, пытаемся понять, как же так получается, что мы совершаем ошибки

С. 4

Богословие: прошлое и будущее

О месте и роли о. Сергия Булгакова в современном богословии и о его способности возрождать живую церковную жизнь размышляют ректор СФИ священник Георгий Кочетков и зав. кафедрой богословских дисциплин и литургики Давид Гэгзян

С. 8

«Троечисленное число всему добру начало...»

И сам преподобный Сергий, и его ученики, среди которых можно твердо (пусть и заочно) числить Андрея Рублева, смогли увидеть, что эта победа над «ненавистной рознью» может быть достигнута не внешним единством перед лицом общей опасности...

Миссионерское обозрение

Сегодня в нашем приложении интервью с Николаем Фуштеем, кандидатом богословия и кандидатом исторических наук, катехизатором-мирянином с многолетним опытом, а также новости, из которых можно узнать о решениях Высшего церковного совета, создании миссионерского братства и познакомиться с интересной статистикой

Первая мировая

С начала войны, ставшей роковой для России, исполнилось сто лет

Через несколько лет этого мальчика, вместе с отцом объезжающего войска, – цесаревича Алексея, его родителей и сестёр расстреляют в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге. Фотография времен Первой мировой войны

1 августа исполнилось сто лет с начала Первой мировой войны. В последнее время (и не только в связи с печальным «юбилеем») начали говорить о том, что и сама война, и её герои в нашей стране незаслуженно забыты. Они невольно оказались в том месте исторического времени, где начала разрываться нить преемственности поколений. Более того: некоторые историки, как и Солженицын, считают начало войны началом этого разрыва, началом страшной трагедии России в XX веке. Неслучайно роман, посвящённый Русской катастрофе, – «Красное Колесо» – начинается не с 1917 года. «Август Четырнадцатого» задуман автором в 1937 году – ещё не как Узел Первый, но как вступление в большой роман о русской революции, – пишет сам Солженицын во вступлении к роману. Тогда же, в 1937 в Ростове-на-Дону, собраны все материалы по Самсоновской катастрофе, доступные в советских условиях (немалые), – и написаны первые главы». Роман Солженицына опирается на огромное количество документов, поэтому подробное

описание событий оставляет ощущение удивительной подлинности. Один из наиболее подробно описанных эпизодов – те события, которым исполнилось сто лет: решение императора о мобилизации войск и начало войны. Мы сегодня публикуем краткие фрагменты этой главы романа.

...С обычным регулярным докладом приехали военный министр Сухолинов и начальник Генерального штаба Янушкевич.

...Ничего нового не было у них, так что всё оставалось, как и в субботу: вести подготовительные меры для частичной мобилизации, если она понадобится, – и ничего резче. Да в руках таких опытных невозмутимых генералов всё было покойно. Сухолинов повторял, что нам никакая война теперь не страшна, выиграем всякую.

В этот день, кроме обязанностей, успел и в теннис поиграть и съездить в Стрельну к тётке Ольге, там у неё пили чай, когда Сазонов сообщил по телефону, что Австрия сегодня днём объявила войну Сербии!

Это – как громом поразило! Позорная война, слабой стране!

Неурочно вечером принял Сазонова в Петергофе. Тот явился воинственный, так и колотся шильными глазами из впадин и настаивал объявить частичную мобилизацию немедленно.

...И всё же нельзя было терять голову, это повлекло бы слишком многое, и ещё не поздно было – обращаться в Гаагу. ... Нехотя-нехотя дал Николай согласие на частичную мобилизацию – смежных с Австрией округов. Но в уме торопился к другому: телеграфировать Вилли.

Ночью телеграмма пошла в Берлин. Николай писал, что прибегает к помощи Вилли. Что боится вскоре уступить давлению со стороны всей безмерно возмущённой России – и во имя старой дружбы умолял не дать австрийцам зайти слишком далеко, не допустить до бедствия Европейской войны!

...Следующий день, среда 16-го (29 июля по новому стилю – ред.), выдался необычайно беспокойный. Началось с

Окончание на с. 6

«Он был собирателем всего Предания»

Исполнилось 70 лет со дня кончины известного русского богослова, представителя религиозно-философского возрождения начала XX века, основателя Свято-Сергиевского богословского института в Париже протоиерея Сергия Булгакова. О том, что он был за человек, каким его видели власти, общество и церковь, мы беседуем с ректором и основателем Свято-Филаретовского института в Москве, духовным попечителем Преображенского братства профессором священником Георгием Кочетковым

Отец Сергий Булгаков – профессор, пишущий философские статьи, один из многих православных священников, – чем он всё-таки был так опасен для советской власти, что его насильно выслали из страны в 1922 году?

Его выслали как неисправимого врага советской власти. Конечно, для новой власти, занявшей тогда себе прочные позиции, захватившей страну, такой человек был не нужен так же, как и Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, Н.О. Лосский и другие. Это понятно, потому что властям никакой священник был не нужен, а этот священник был ещё и очень знаменит, очень известен, очень влиятелен. Он был не просто философом и не просто одним из профессоров Московского университета, он был человеком нового времени, тех перспективных перемен, которые могли произойти в нашей стране, если бы не случился революционный переворот в момент её слабости.

Булгаков был творческим, действительно выдающимся, даже гениальным человеком. И с такими людьми, с духовной элитой, на протяжении всей своей

истории неизбежно боролась советская власть. Она опиралась совсем на другие силы – на «оборванцев и негодяев», как говорится в одной из библейских книг, в книге Судей. Для бандитов не нужны выдающиеся и мыслящие, тем более ещё духовные люди, за которыми стоит сила благодати и сила слова правды, за которыми стоит огромная потенция творческого пути и новой жизни и с которыми такая власть не знает, что делать.

Что в духовном опыте отца Сергия, в том числе в богословии, наиболее важно для церкви сегодня?

Отец Сергий Булгаков – один из величайших богословов на уровне лучших отцов церкви. Он был собирателем всего предания. Он смотрел на церковную традицию каким-то новым, прежде невиданным взглядом. У него был опыт ответов на вызовы современности, новой эпохи. С одной стороны, он был, конечно, человеком эпохи модерна, эпохи утонченной, эпохи, умеющей разбираться в тонкостях, в деталях, умеющей

Продолжение на с. 4

Преподобный Сергий

К 700-летию преподобного мы публикуем фрагмент из книги Георгия Федотова «Святые Древней Руси»

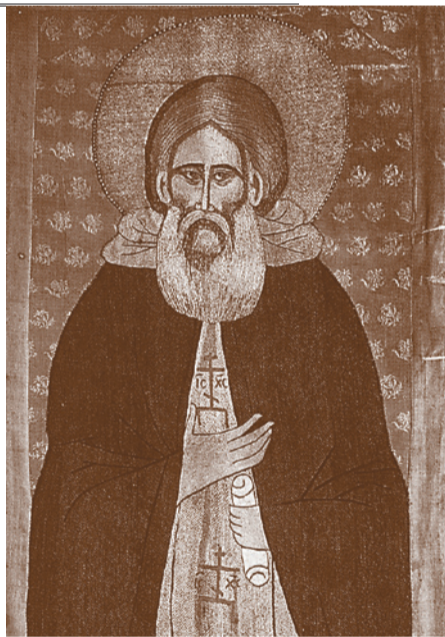
Первое столетие монгольского завоевания было не только разгромом государственной и культурной жизни древней Руси: оно заглушило надолго и её духовную жизнь. Это может удивлять тех, кто считает бесспорным, что политические и социальные катастрофы с необходимостью влекут за собою пробуждение религиозного чувства. Религиозная реакция на катастрофу, конечно, сказалась в русском обществе: проповедники видели в ужасах татарщины казнь за грехи. Но так велики были материальное разорение и тяжёлая борьба за существование, что всеобщее огрубение и одичание были естественным следствием. Около столетия русская церковь не знает новых святых иноков – преподобных. Единственная канонизируемая церковью в это время форма святости – это святость общественного подвига, княжеская, отчасти святительская. Защита народа христианского от гибели заслонила другие церковные служения. Нужно было, чтобы прошла первая оторопь после погрома, чтобы восстановилось мирное течение жизни, – а это ощутимо сказалось не ранее начала XIV века, – прежде чем проснулся вновь духовный голод, уводящий из мира.

Новое подвижничество, которое мы видим со второй четверти XIV века, существенными чертами отличается от древнерусского. Это подвижничество пустынножителей. Все известные нам монастыри Киевской Руси были городскими или пригородными. Большинство их пережило Батыев погром или позже было возобновлено (Киево-Печерский). Но прекращение святости указывает на

их внутренний упадок. Городские монастыри продолжают строиться и в монгольское время (напр., в Москве). Но большинство святых этой эпохи уходят из городов в лесную пустыню. Каковы были мотивы нового направления монашеского пути, мы можем только гадать. С одной стороны, тяжёлая и смутная жизнь городов, всё ещё время от времени разоряемых татарскими нашествиями (Ахмылова рать 1322, Федорчукова рать 1328 г.), с другой – самый упадок городских монастырей могли толкнуть ревнителей на поиски новых путей. Излюбивши пустыню, они явили большую отрешённость от мира и его судьбы, чем подвижники киевские: в этом могло сказаться культурно-общественное потрясение татарской эпохи. Но, взяв на себя труднейший подвиг, и притом необходимо связанный с созерцательной молитвой, они поднимают духовную жизнь на новую высоту, ещё не достигнутую на Руси.

Главою и учителем нового пустынножительного иночества был, бесспорно, прп. Сергий, величайший из святых древней Руси. Большинство святых XIV и начала XV века являются его учениками или «собеседниками», т. е. испытавшими

Окончание на с. 8

Юбилей

В этом году исполнилось 700 лет со дня рождения преподобного Сергия Радонежского

В торжествах, прошедших с 16 по 18 июля, приняли участие десятки тысяч верующих

Празднование началось в Сергиевом Посаде 16 июля крестным ходом из Хотькова женского монастыря, где находятся мощи родителей Сергия Радонежского – преподобных Кирилла и Марии, до Троице-Сергиевой лавры. По данным организаторов, в церковном шествии приняли участие около 30 тысяч паломников. Шествие возглавлял Патриарх.

17 июля Патриарх совершил на лаврской Соборной площади торжественное всенощное бдение, а 18 июля, в день памяти обретения честных мощей преподобного Сергия Радонежского, – Божественную литургию. Ему сослужили местоблюститель Киевской митрополичьей кафедры митрополит Онуфрий и многочисленные представители духовенства. Говоря о наследии одного из самых почитаемых русских святых, глава РПЦ отметил, что русская национальная идея выражена словами преподобного Сергия и заключается в призыве к единению и любви.

Своими впечатлениями с нами поделились некоторые из членов Преображенского братства, участвовавших в праздничных мероприятиях в Троице-Сергиевой лавре:

Лев Амелин: На праздник приехало действительно очень много людей со всей России и из-за рубежа. Некоторые приезжали целыми приходами.

В программе праздника были только богослужения: служба патриаршая, служба братии, акафисты и мо-

лебны. Часть служб была в самой Лавре, куда 17 июля было почти невозможно попасть, часть – на поле перед лагерем. Там же расставили аналои, шла исповедь. 18 июля мы были на Литургии в Лавре, на которой предстоял Патриарх Кирилл. Понравилась внутренняя собранность молящихся, анафора читалась вслух, было много причастников. Проповедь перед причастием об отсутствии любви к Богу в православных семьях и неэффективности христианского воспитания произнес архимандрит Захария (Шкурихин), духовник Троице-Сергиевой лавры. После службы Патриарх Кирилл говорил о духовно-нравственных идеалах святой Руси и о национальном единстве.

Понравился человеческий подход в организации праздника: нормальные умывальники, трапезная, без проблем селили народ в армейских палатках (там были кровати с чистым бельем). В организации праздника участвовали волонтеры от приходов и молодежных организаций: занимались транспортом, трапезой, расселением. Они были разного возраста, но среди них было достаточно много молодежи. Все были дружелюбны, приветливы.

Николай Ежихин: Для меня имя прп. Сергия Радонежского всю мою церковную жизнь имело большое значение. Я вырос неподалеку от Николо-Угрешского монастыря, который основал святой благоверный

Литургия в Троице-Сергиевой лавре

князь Димитрий Донской после явления ему во сне свт. Николая Мирликийского как раз на пути к прп. Сергию перед Куликовской битвой.

Поэтому я с большой радостью воспринял возможность участия в праздновании 700-летия игумена земли Русской, хотелось лично поучаствовать в творении памяти святого. Однако прп. Сергий и сейчас является источником собирания народа в единую духовную целостность, поэтому празднование действительно получилось не личным, но совместным с десятками тысяч людей.

Преподобный Сергий, обращавший внимание на сосредоточенную молитву, смог собрать в эти три дня людей, совершенно не знавших друг друга, людей разного пола, возраста и социального статуса для соборной молитвы. Они вместе участвовали в Литургиях, бдениях и молебнах, совершали мини-крестные ходы от Лавры до лагеря паломников с иконами и песнопениями, а главное – народ причащался из одной Чаши, вокруг которой собирал нас Христос.

По материалам информационной службы Преображенского братства
Материалы «Кифы» к юбилею читайте на сс. 1,8

Церковь и общество

До наших дней сохранилось не более 5% воинских захоронений Первой мировой войны

Об этом говорят петербургские историки, изучающие воинские некрополи

«Тема воинских мемориалов Первой мировой войны остаётся одной из наименее исследованных, так же как сама война в массовом сознании пока остаётся войной забытой», – заявил 25 июня на пресс-конференции в СПб ИТАР-ТАСС сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН Николай Родин.

Он напомнил, что в те годы в армии существовала традиция перезахоронения павших на поле боя в местах постоянной дислокации их воинских частей или семейных некрополях, поэтому многие офицеры и нижние чины армии были погребены в Петрограде, бывшем тогда столицей Российской империи. (Указ о переименовании Санкт-Петербурга в Петроград издан Николаем II 18 августа 1914 года, это было вызвано ростом патриотических настроений в связи с началом войны.)

«В марте 1915 года в Петрограде было организовано особое братское кладбище (на территории современного кладбища имени жертв 9 января), где были захоронены около 12 тыс. человек, в основном нижних чинов императорской армии, – рассказал историк. – Устраняя здесь захоронение, люди предполагали после войны построить памятный храм, способный вместить до 2 тыс. человек, но революция помешала этим планам, этот уникальный некрополь остаётся почти неизвестным, он не имеет ни памятных знаков, ни поклонного креста». На многих кладбищах, как в России, так и за её пределами, воинские захоронения этого периода утрачены полностью.

Петербургский историко-культурный центр «Белое дело», занимающийся поиском и восстановлением могил участников Первой мировой

войны, к настоящему времени разыскал и отреставрировал более 30 объектов в России, на Украине, в Белоруссии, Литве, Сербии, Болгарии и Аргентине. В планах молодых историков – дальнейший розыск воинских могил этого периода, установление памятных знаков в местах, связанных с героями и военачальниками Первой мировой.

Большой братской могилой, в которой захоронены сотни, а возможно, и тысячи ветеранов Первой мировой, историки считают Левашовскую пустошь под Петербургом, где в 1930-х годах хоронили людей, подвергшихся политическим репрессиям. В их числе было немало бывших царских офицеров. «Только по семи спискам РОВС (Русского общевойскового союза) были расстреляны 469 человек, – отметил руководитель центра «Возвращённые имена» при Российской Национальной библиотеке Анатолий

Разумов. – Большинство бывших военных состояли на учёте в НКВД и были расстреляны в 1937–1938 годах, поэтому мы можем считать, что на Левашовском кладбище могут быть погребены сотни и, возможно, тысячи участников Первой мировой войны». В память о них «Белое дело» установит в августе памятный крест.

Первая мировая война началась в 1914 году с убийства австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараеве. Россия приняла в ней участие по приглашению с Англией и Францией (союз Антанты), однако после двух революций 1917 года вынуждена была капитулировать и 3 марта 1918 года подписать Брест-Литовский мирный договор. Потери российской армии составили около 2 млн человек.

Благовест-инфо

Мнение: могла ли Россия не воевать с Германией?

Недавно в Свято-Филаретовском институте прошла открытая лекция замечательного историка Кирилла Александрова о Первой мировой войне. Последствия этой войны были почти катастрофическими для России. Могла ли Россия не вступить в неё?

Вот как отвечает на этот вопрос в своем личном блоге священник Георгий Кочетков:

Совершенно очевидно, что у России не было стимулов к этой войне. Главную роль играло столкновение интересов Германии, Австро-Венгрии, Англии и Франции. Да, у России были свои интересы на юге, но и без них можно было прекрасно обойтись. Конечно, была некоторая нетрезвость – про-

ливы, крест на Софии¹ и т. д., – но жизнь это потом показала. Впрочем, это была старая болезнь русской дипломатии, возникшая не в XX веке.

Когда я в последний раз был в Берлине, мы ходили по дворцам Сен-Суси, и у меня вдруг возникло ощущение, что цивилизационно, на макроуровне, мы значительно ближе к германской культуре и германскому миру, чем к английскому и французскому. Неслучайно до сих пор англичане и французы Россию и русских не любят, в то время как те же немцы, несмотря на все наши жуткие исторические страницы, совсем по-другому к нам относятся. Это же видно – в Мюнхене, в Берлине, где угодно, на востоке и на

западе, на юге Германии, в Австрии то же самое. Неужели не могли мы, если уж нельзя было не вступать в войну, договориться с Германией и Австрией? В этом случае Англия и Франция оказались бы в проигрыше и никакая Америка в то время им бы не помогла. И тогда бы мы жили сейчас совершенно в другой цивилизации, и Европа была бы другой, весь мир был бы другим. Не было бы Второй мировой войны, не было бы фашизма и коммунизма, не было бы самых страшных исторических катастроф и прежде всего русской катастрофы XX века, самой страшной за всю историю человечества.

Моё мнение оказалось похожим на точку зрения государственного деятеля

Петра Николаевича Дурново, выраженную им в Записке на Высочайшее имя в феврале 1914 года. Как рассказал Кирилл Александров, она была опубликована в 1922 году и произвела впечатление фальсификации – настолько страшны были пророчества, сделанные Дурново.

Источник: <http://www.ogkochetkov.ru/blog/>

¹ Многие военачальники (например, адмирал Колчак) считали овладение проливами Босфор и Дарданеллы, гарантирующими беспрепятственный выход из Чёрного в Средиземное море, одной из главных целей России в Первой мировой войне. Мечтой многих было и освобождение Константинополя (с 1453 года и поныне – Истанбул, или Стамбул) от турецкого владычества. Святая София, главный храм города, в котором, по летописному преданию, русские послы впервые познакомились с красотой Православия, с 1453 года была передана в мечеть (с 1935 года – в музей). – Прим. ред.

Издание Преображенского сотрудничества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).

Главный редактор: А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя: 105062, г. Москва, ул. Покровка, д. 29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции: kifa@list.ru gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали:

Анастасия Наконечная, Максим Деметьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова

Дизайн и верстка: Марина Подкопаева

Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Газета издается с октября 2002 г.

Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Все права защищены.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:

в интернет-магазине predanie.org;

в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);

в Санкт-Петербурге:

в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81.

Телефоны распространителей

Москва:

+7-964-534-64-55 (Александра Ошарина),

+7-965-146-14-56 (Анна Гринман),

+7-965-128-15-07 (Марина Чиркова)

Санкт-Петербург:

+7-963-316-3981 (Анастасия Наконечная)

США, Канада: 1-651-210-4922,

в интернет-магазине predanie.org;

(Олег Воскресенский)

Архангельск: +7-921-073-3276

(Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-1137

(София Кудрявцева)

Воронеж: +7-950-763-5035

(Александр Терехов)

Екатеринбург: +7-904-388-0391

(Татьяна Благодарова)

Рязань: +7-920-632-06-71

(Сергей Гаврилов)

Северодвинск: +7-964-296-9042,

+7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)

Тверь: +7-909-266-88-83,

+7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)

Тула: +7-920-746-69-73

(Марина Писаревская)

Электросталь: +7-926-787-4305

(Ольга Кузнецова)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.

Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная.

Выпуск подписан в печать 28 июля 2014 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.

Дата выхода в свет 31 июля 2014 г.

gazetakifa.ru

Духовное образование

Философам – о богословии

В Санкт-Петербургском университете прошла презентация изданий Свято-Филаретовского института

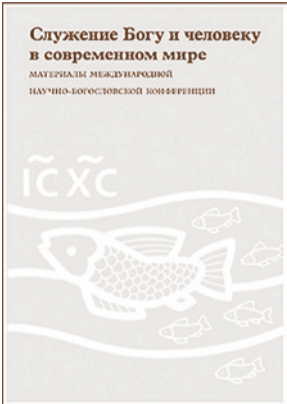
26–28 июня в Санкт-Петербургском государственном университете прошла международная конференция «Майстер Экхарт и Григорий Палама: актуальность духовного опыта».

Среди участников конференции – известные специалисты и издатели трудов обоих богословов: профессор кафедры истории философии философского факультета СПбГУ доктор философских наук Олег Душин; ведущий научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований при РГГУ кандидат филологических наук, доктор философских наук Михаил Реутин; член Британской академии высшего образования, научный сотрудник факультета философии Открытого университета (Великобритания) доктор Константинос Афанасопулос; научный сотрудник Трирского университета (Германия) кандидат философских наук Виталий Морозов и другие.

В первый день работы конференции состоялась презентация изданий Свято-Филаретовского института, проблематика которых связана с темой конфе-

ренции. Среди них и книги, вышедшие в этом году (в частности, труд Карла Христиана Фельми «Введение в современное православное богословие»), и изданные ранее не потерявшие своей актуальности работы, например, «Этапы духовной жизни» Павла Евдокимова. Издания богословского вуза представила его студентка Мария Феденко. Также она рассказала участникам о самом институте, который начал работу в 1988 году, о направлениях его образовательной и научной деятельности, в том числе о ежегодных научных конференциях по богословским и церковно-практическим темам. Среди сборников материалов конференций СФИ она выделила один из последних, изданный по итогам работы конференции «Служение Богу и человеку в современном мире». Также участники форума смогли познакомиться с газетой Преображенского братства «Кифа».

За три дня работы на конференции обсуждали учения Майстера Экхарта и св. Григория Паламы о Боге и человеке, духовный опыт и мистическую практику

богословов, учение Экхарта и традиции немецкой мистики (Г. Сузо, И. Таулер, «Немецкая Теология», Николай Кузанский) и немецкой философии, учение св. Григория Паламы о Божественных энергиях и русскую религиозную философию. Языком работы конференции был английский.

Анастасия Наконечная
Информационная служба СФИ

В Санкт-Петербурге с октября 2014 года начинают работу ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ КУРСЫ для всех, кто интересуется вопросами христианской веры, истории и культуры.

Узнать подробнее можно по телефону: **+7 906-241-14-32, +7 921-572-37-81;** по электронной почте: **n_shvachko@mail.ru;** на странице в социальной сети: **http://vk.com/bogoslovskie_kursy**

На курсах преподают историки, религиоведы, искусствоведы, кандидаты наук, ведущие научные сотрудники музеев Петербурга, преподаватели Свято-Филаретовского православно-христианского института (СФИ).

Новости православных братств

На «маленьком» плоту

О том, как сплав на плоту связан с воцерковлением детей...

Плот получился огромный, почти корабль – шесть на три метра

Ежегодно Свято-Екатерининское малое православное братство (Екатеринбург) организует совместный летний выезд взрослых и детей. Обычно мы арендуем какую-то базу отдыха и живём все вместе семь-десять дней. Задача выездов всегда простая и одновременно сложная – помочь воцерковлению наших детей, обретению и укреплению их веры. Мы вместе молимся, трудимся, готовим, проводим семинары для взрослых (родителей и не только), устраиваем вечерние концерты, купаемся, играем, ходим в походы, преодолеваем трудности общей жизни.

Господь всегда дарует радость и полноту жизни в эти дни. Каждый раз бывают какие-то необыкновенные находки и открытия. В прошлом году мы организовали Музей семейных историй в маленьком домике на берегу реки. В этом году одной из находок стал сплав с детьми младшего школьного возраста на плоту.

Почему именно плот и как он связан с воцерковлением детей? В принципе, ответ, думается, прост. Потому что это совместная жизнь, совместный поиск решений, ответственность друг за друга, молитва Богу и благодарность Ему за красоту, которую Он создал, за помощь и поддержку, которую Он являл в пути.

Собственно, идея летнего сплава на плоту пришла мальчишкам ещё зимой, когда мы вместе посмотрели фильм «Путешествие на «Кон-Тики»». Герои фильма на небольшом плоту пытались переплыть

Тихий океан. Дети с волнением и переживанием следили за судьбой героев фильма и их непростыми приключениями. В итоге загорелись идеей тоже плыть на плоту. Взрослые их немного расстроили, сообщив, что Тихий океан им вряд ли удастся покорить, но вот сплавиться летом по реке Серге (Свердловская область) – вполне возможно.

Готовились полгода, продумывая всё шаг за шагом – рисовали схему плота, распределяли обязанности: кто отвечает за фонарики, аптечку, спасательные жилеты, приготовление трапезы, палатки, топоры и т. д. По ходу приготовления узнавали новые слова («кошка», «штурвал») и приметы моряков: один мальчик сообщил, что надо обязательно надеть тельняшки, так как полосатых не трогают акулы.

И вот пришло долгожданное лето. Для сплава заранее подготовили списанные камеры от троллейбуса – восемнадцать штук, доски решили купить на местной лесопилке. Первые дни лагеря дети 7–10 лет вместе с двумя дядями Димами готовились к сплаву – делали вёсла, шесты, руль, рисовали флаг с якорем, все обсуждали и планировали, тщательно разрабатывали маршрут.

Долгожданный день отплытия настал. Провожали экспедицию всем лагерем рано утром под марш «Прощание славянки». Загрузили в большую машину камеры, палатки, котелки, спальники, рюкзаки. А потом почти целый день ждали с ними связи. Волновались: как, что? Молились.

Малыши, оставшиеся в лагере, рисовали картины, представляли, что сейчас делают наши путешественники. И вот долгожданный звонок – всё в порядке, плывём! Вокруг красота – леса, горы, палит солнце, сорвало мачту, видим хатки бобров, рядом с плотом плывут утки... Остановились для ночлега, сварили уху.

Уже позже, по возвращении, дети делились тем, что увидели и узнали:

- мы видели бобров!
- я впервые чистил картошку и рыбу...
- дядя Дима пел про уток...
- ели такой вкусный суп с луком!
- не прошли под первым же мостом – сразу сорвало мачту!
- было много мелких и извилистых быстрых мест...
- на берегу около пещеры видели сле-

ды медведя-инвалида (почему инвалида? потому что только три лапы отпечатались и четыре пальца).

Встречающиеся на пути моряков путешественники на лодках и байдарках были крайне удивлены этой картине, и было чему удивляться – плот получился огромный, почти корабль, шесть на три метра, на нём компания из семи детей (6 мальчиков и 1 девочка) и трёх взрослых.

Плыли сутки. Вернулись на машине, передав управление плотом следующей возрастной группе – подросткам и молодёжи, с которыми специально встретились на карстовом мосту в заповеднике «Оленьи ручьи».

Ребята приехали тихие, спокойные, в такой хорошей усталости. Впечатлениями делились тоже спокойно, не перебивая друг друга, не выставляя вперёд свои «подвиги».

Поход многому научил детей. Основной вопрос, который родился у них во время похода, был такой: научите меня, как это сделать? Оказалось, многие дети мало что умели делать, на ходу приходилось учиться. Когда снесло мачту, дети притихли и стали особенно послушными, поняв, что всё в пути серьёзно, по-взрослому. Боролись с жадностью, боязливостью, привычкой к комфорту, со своей «детскостью» во многих вопросах, пытались друг друга подбадривать, когда это было нужно, ели то, что было (пришлось самим ловить рыбу, чтобы сварить уху). Была, например, несколько раз такая ситуация, когда пришлось делять куски хлеба делить на десятерых, и некоторые дети готовы были отдать свой кусок, остаться без хлеба. Когда была возможность, сами гребли и отталкивались шестами, когда на пути виделся валун, дети призывали на помощь взрослых, понимая, что самим не справиться.

И для взрослых эта поездка стала не только приключением, но и испытанием на крепость, братскость, старшинство, которое они прошли с достоинством. Фотографий было мало, сказали, что не до того было... А вот закалку и веру в то, что вместе можно многое преодолеть, они привезли. И хочется надеяться, что она останется с ними надолго.

Елена Каштанова

Информационная служба Преображенского братства

Сто лет памяти

Сто лет назад началась Первая мировая война. Вспоминать об ужасах войны? Сокрушаться о миллионных потерях? В очередной раз признавать абсурдность и иррациональность зла? Да, но и не только. Важно ещё и молиться о тех, кто погиб, делать всё, чтобы зло войны не действовало через нас и среди нас.

Поминальная молитва

Иоанно-Богословское малое православное братство отметило 100-летие со дня сараяевского инцидента, положившего начало Первой мировой войне, кратким богослужением на Братском военном кладбище в районе Сокол.

У единственного сохранившегося надгробия над могилой студента московского университета медбрата-добровольца, Георгиевского кавалера Сергея Александровича Шлихтера, в память жертв войны была совершена лития. К молитве присоединились и те, кто просто проходил мимо, но, поняв, что происходит, не смогли не остановиться.

Этим действием братство также выразило свою надежду на то, что актуализация памяти трагического опыта Первой мировой послужит трезвению правительств и народов, что начавшееся на украинской земле братоубийство может быть остановлено молитвами как церкви земной, так и тех, кто добросовестно исполнил свой общечеловеческий и христианский долг в Первую мировую войну, положив жизнь свою за ближних своих.

Сергей Кошелев, Карина Гиздатова

Фото Карины Гиздатовой
Информационная служба Преображенского братства

Справка
Братское военное кладбище в Москве было основано в 1914 г. по инициативе Великой княгини Елизаветы Фёдоровны; к 1917 г. на территории Братского кладбища было похоронено 17,5 тысяч рядовых, 581 офицер, 51 сестра милосердия, 14 врачей и 20 общественных деятелей, позже – защищавшие Кремль юнкера, репрессированные священнослужители, военные и государственные деятели.

«Он был собирателем всего Предания»

К 70-летию кончины протоиерея Сергия Булгакова: интервью с ректором СФИ профессором священником Георгием Кочетковым

видеть плюсы и минусы, различать добро и зло. Он – человек, который искал прежде всего Бога и Божью правду. Он искал человека, спасаемого Богом. А для этого человек должен иметь очень прочные основы, очень хороший фундамент в своей духовной, и не только духовной, но и общественной, и экономической, и политической, и научной, и культурной жизни.

Булгаков в этом отношении был, конечно, незаурядным человеком. Он – человек, который продвинул вперед дело осмысления божественного Откровения и Богопознания. Он действительно жил божественным Светом. Он был просвещенным во всех смыслах человеком, не только в плане рациональном, культурном, научном. Самое главное – это его умение собирать традицию, её перерабатывать, видеть её как целое, видеть её живой и развивающейся – и поэтому всегда самодвижущейся, идущей вперед за Богом, а не просто за духом времени.

Насколько это востребовано сегодня, насколько воспринимается его наследие?

Сегодня, когда ещё не прошла до конца эпоха постмодерна, мы, конечно, понимаем, что жить постмодернистским образом уже невозможно, тем более жить так в церкви, в православии, в христианстве, в такой вере, которая глубока и широка, которая вмещает подлинный духовный опыт каждого человека. Нам невозможно жить по-прежнему. Поэтому кто-то начинает искать что-то новое и, как это нередко бывает, находит то, что является хорошо забытым старым. А Булгакова вообще никогда хорошо не знали. Его основные богословские труды, прежде всего большая и малая трилогии, вышли в те годы, когда не только в советской России не могли ничего такого узнать, но и за границей, поскольку тиражи этих книг были крайне малы, кроме того, они были написаны

на русском языке, мало доступном для европейцев и других народов. Поэтому сейчас, когда люди хотят становиться уже не просто начётчиками в области богословия, философии и всех отраслей гуманитарного и духовного знания, когда они хотят выйти снова на плодородную землю настоящей культуры и творчества, обойти Булгакова нельзя.

Он был очень недооценен своими современниками. Даже его родной Свято-Сергиевский парижский институт – и тот прославился в наше время полным непониманием и недооценкой отца Сергия, своего основателя, неумением оценить его подлинный вклад в православное христианское предание. Отчасти здесь сказались неуместное осуждение его разного рода церковными лидерами, которые часто выносили решение под давлением политических обстоятельств. Но сказывалась и неспособность к творческому развитию догматики, христианского учения, христианской жизни, неумение чувствовать запрос живых людей, которые, попав в новые условия, взывали к Богу. Бог им отвечал, но это надо было заново услышать.

Поэтому круг тех, кто Булгакова понимал адекватно и тем более мог сказать что-то в его поддержку, пусть даже иногда и критически, отмечая какие-то недоработки, недочёты, недостатки, которые, конечно, не делали Булгакова ни еретиком, ни каким-то подозрительным богословом, был очень узок всегда. А врагов у него было много и не могло быть мало при его позициях, которые немногие могли вместить. Это надо, наверно, всегда иметь в виду. Только сейчас начинают проходить какие-то конференции в честь отца Сергия, начинают понимать, что это действительно великий человек. Как мне пришлось однажды сказать в Доме русского зарубежья на одной из конференций, посвящённых отцу Сергию, он – человек, который в древней церкви был бы давно канонизирован в чине святых учителей и катехизаторов или, лучше сказать, апологетов церкви, так же как наверняка и Н.А. Бердяев, и некоторые другие из блестящей плеяды русских богословов и церковных деятелей того времени.

А тот узкий круг, который адекватно понимал его при жизни, сегодня расширяется или, наоборот, сузился?

Сейчас, после определённого периода забвения трудов отца Сергия, появился новый потенциал. Не то чтобы расширился круг – может быть, есть не так

много людей, которые воспринимают его полное наследие, – но появился круг людей, желающих достичь такой глубины и такой полноты своей собственной веры и жизни, желающих обрести способность идти вперед, опираясь на наследие всех великих богословов, конечно, не исключая отца Сергия. Отец Сергий поставил так много вопросов в своих трилогиях и в других произведениях, так много проблем, что ещё не скоро будут найдены ответы, разработанные и удовлетворяющие всю церковь. Булгаков, конечно, и сам отвечал на множество вопросов. Но чем больше он отвечал на трудные вопросы церковной истории, церковного учения, церковной догматики, церковной практики, тем больше вставало вопросов, тем больше требовалось ответов. И вот сейчас, мне кажется, довольно благоприятный момент для того, чтобы заново открыть для себя имена таких величайших Божьих делателей на ниве церковного учения и Богопознания, как Булгаков и Бердяев.

Вопрос о пастырской деятельности опwf Сергия. Он был одним из создателей РСХД, главой братства святой Софии, в конце жизни вокруг него собиралась община. Насколько важным, на Ваш взгляд, для него было создание горизонтальных связей между духовными чадами, некоей среды, а не просто связей каждого с духовником? Дружба между сестрой Иоанной Рейтлингер и монахиней Еленой Казимирчак-Полонской типична для его круга или является скорее исключением?

Это не совсем вопрос духовничества. Многие старцы собирали своих духовных чад и продолжают это делать и поныне, некоторые более удачно, некоторые менее. Некоторые – настоящие старцы, некоторые – не совсем, но они ревностные церковные люди, которые служат теми дарами, которые получили, или способностями, которые по-человечески имеют. Всё-таки у отца Сергия Булгакова не только под влиянием Бердяева, но и по собственному опыту было большое тяготение к человеческому единению. Поэтому ему был очень важен и близок опыт братский, общинный. Он не случайно создавал братство святой Софии, не случайно создавал общины своих учеников, последователей, друзей, духовных чад. У него была всё-таки больше община, чем просто собрание духовных чад. Это всегда надо иметь в виду. Он в этом

смысле также был человеком передовой церковной жизни, а не просто последователем каких-то схем, реализуемых в новых условиях. Русская эмиграция действительно большую часть своей истории была свободной, и поэтому там и дух дышал свободнее. И в ней новые веяния духа воспринимались совсем не так, как в условиях несвободы, даже такой несвободы, которая была, скажем, в дореволюционной России, уж не говоря про несвободу современных людей, попавших в тяжелейшие условия нового типа клерикальной экклезиологии, которая как раз отрицает свободу духа и творчества духовной жизни христиан, верных членов церкви.

Но ведь отношения между его последователями и духовными детьми были разными. Например, крестница сестры Иоанны (Рейтлингер) говорила мне, что чувствовала некоторое напряжение в отношении сестры Иоанны к матери Марии (Скобцовой), хотя явно она об этом никогда не говорила.

Это естественно, это тоже следствие свободы. Не было бы этого напряжения – не было бы такого творческого горения духа. Да, каждому направлению не хватало поддержки, потому что вообще было очень мало людей, а новых духовных, культурных, интеллектуальных движений было много. Это неплохо, ничего плохого и страшного в этом нет. Все там друг на друга напрягались. Всё это, умноженное на особенности аристократического и интеллигентского русского характера, конечно, создавало определённые неудобства, приносило определённые издержки, но всё-таки все люди хотели служить правде, истине, стране, народу, которые их породили и которые требовали возрождения. Я не думаю, что надо из этого факта делать выводы, что они друг друга отрицали. Нет, монашество понимается всегда по-разному. Я думаю, что сам отец Сергий Булгаков тоже понимал его немножко не так, как сестра Иоанна, а ученица сестры Иоанны это понимает, видимо, ещё несколько по-своему, со своими оценками, исходя из своего духовного выбора. Это понятно и не страшно.

Как сочеталось в отце Сергии, с одной стороны, стремление собирать и созидать церковную жизнь, что требовало немалой смелости и силы духа, а с другой стороны – его традиционность, ведь он был потомственным священником,

Богословие: прошлое и будущее

Интервью с зав. кафедрой богословских дисциплин и литургики СФИ Давидом Гзгзяном

Говорят, Вы читаете в СФИ курс, связанный с наследием отца Сергия Булгакова?

Я читаю курс по современному богословию, где есть материал о современном православном богословии, прежде всего русском.

Какое место в этом контексте занимает отец Сергий, и что наиболее актуально в его творчестве для нас сегодня?

Если говорить о развитии именно ядра православного богословия (это важно, когда мы обсуждаем то, что принято называть современными тенденциями), то отец Сергий Булгаков, я думаю, – одна из немногих определяющих фигур в истории православного богословия, потому что он имел своей

целью выявление полноты апостольского и святоотеческого предания. А там, где требовалась дополнительная разработка в русле развития апостольских и святоотеческих тенденций (которые в истории церкви старались не разделять: святые отцы назывались так именно потому, что воспринимались как продолжатели апостольского христианства), отец Сергий творчески их разрабатывал. При этом он по необходимости предлагал авторский взгляд там, где это требовалось в силу неразработанности вопросов, обострившихся именно в XX веке. Если чуть конкретизировать, то один из ключевых вопросов, его сквозная тема – это единство Божественного откровения и Личность триединого Бога в Его самооткровении и кеносисе, связь Бога и творения, Бога и человека.

Насколько важно, ради возрождения богословия и церковной жизни вообще, в первую очередь знакомиться с наследием отца Сергия Булгакова? Может быть, оно сегодня уже немного «факультативно» – для богословия XX века оно в центре, а для нас, для XXI века уже нет?

Тут всё зависит от характера и содержания интереса – в частности, к наследию отца Сергия. Дело в том, что интерес может быть, например, сугубо академический. Тогда он совершенно не связан с темой возрождения церковной жизни. Но если я не совсем ошибаюсь в уже высказанной оценке – что отец Сергий является одной из определяющих фигур для развития православного богословия и даже для возрождения церковной жизни – то я думаю, что надо,

по крайней мере, вспомнить, что богословие всегда связано с потребностями церковной жизни. Оно всегда из них вырастало. И кризисы богословия, как правило, совпадают в истории с затуханием жизни, когда её почему-то не видно.

Личность о. Сергия Булгакова в этом отношении особенно интересна тем, что он сочетал в себе, по общему признанию, качества личной святости и богословской одарённости. Это большая редкость. Он был человеком, который сам возрождал живую церковную жизнь – и внутри этих усилий у него вызревала та развивающаяся мировоззренческая картина, которую он запечатлел в ряде своих программных трудов, увенчивающих его известной большой трилогией. Так что тут сама его персона скорее говорит о том, что будущее богословия определяется тем, есть ли всерьёз бу-

Церковные памятники в музеях: мировой опыт

Начало на с. 1

человеком, принадлежащим глубокой православной традиции?

В нём была нетрадиционная традиционность, или традиционная нетрадиционность. Дело в том, как понимать традицию – как внешний набор форм, привычек, норм, правил или как живое предание? Всё-таки отец Сергей был, конечно, очень традиционным вот в этом последнем смысле и, может быть, не всегда, не во всём традиционным в первом смысле. Так что нужно просто правильно понять все перипетии, связанные с именем отца Сергия в истории XX века. Нужно понять, что церковь, находившаяся в тяжёлом, кризисном состоянии в те времена, принять быстро и легко его наследие не могла. Ей самой нужно было пройти определённый путь, и вот теперь она, кажется, его проходит. Во всяком случае, можно надеяться, что проходит. И вопрос рецепции, принятия учения отца Сергия уже вопрос почти риторический, потому что никого уже не смущает всерьёз ни софиология, ни, может быть, некоторые первоначально слишком смелые терминологические особенности учения. Все давно поняли, что ничего отклоняющегося как-то всерьёз от православия в его учении нет. Наоборот, его поиск каких-то новых подходов в богословии плодотворен и действительно традиционен, действительно не является просто каким-то вывертом декадентства или модерна того времени. Нет, это настоящее великое наследие великого творческого человека.

Источник: Сайт Преображенского братства
Беседовала Анастасия Наконечная

В столовой о. Сергия Булгакова. Слева направо сидят: Ю.Н. Рейтлингер, В.А. Зандер, о. Сергей Булгаков, А.В. Оболенская, В.В. Зеньковский; стоят: Л.А. Зандер, А. Смирнова, Д. Бонч-Богдановская. Париж. 1920-е гг.

лучше у подлинной церковной жизни. И если исходить из этой посылки, если признавать такое условие, то, конечно, и в наше время реальный интерес к о. Сергию Булгакову – не сугубо историко-церковный, немного архивный, а реальный, т. е. продиктованный жизненными потребностями, – может развиваться тогда, когда вырываются ячейки подлинной церковности. Но с тем, что в этом существует острая насущная потребность, я думаю, не всякий согласится. Если я в этом не ошибаюсь, то тогда, конечно, в наше время трудно пока говорить о возрождении богословия. Можно говорить о каких-то спорадических всплесках познавательного интереса к богословию – но не к богословию как творческому процессу. И основной для восстановления реального широкого тяготения к нему, честно говоря, я пока не вижу.

В ноябре 2010 года был принят Федеральный закон «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности». И процесс возвращения Русской православной церкви и другим российским конфессиям ранее принадлежавших им ценностей вышел из стадии законодательства в практическую сферу. При этом интересы музейщиков оказались сильно ущемлены.

В этом смысле Россия сегодня движется в сторону Израиля. Да, там есть значительные выставочные комплексы, например, Музей Израиля в Иерусалиме. Созданный на частные пожертвования, он вобрал в себя целую сеть музейных проектов. Чего здесь только нет: и иудейские древности, и античные раритеты (можно увидеть, например, обломок плиты с надписью, из которой следует, что строительство начато префектом Иудеи Понтием Пилатом), и пинакотека, и этнографические выставки. Посетителям, конечно, запомнятся древние рукописи, выставленные под пуленепробиваемым куполом. Рядом – Музей библейских стран с очень любопытными экспонатами.

Но всё-таки многие древности Палестины отданы на откуп религиозным организациям. Скажем, в католическом храме Благовещения в Вифлееме устроен прекрасный музей. И Иерусалимская патриархия создала свой небольшой музей в Святом граде. И на Храмовой горе любопытный музей ислама.

Во многих сакральных местах Святой земли находятся замечательные произведения искусства. К сожалению, государство Израиль даже не пытается их музеефицировать, создать определённый регламент пользования культурным достоянием. Да и доступ специалистов к сакральным ценностям сегодня сильно ограничен. Стоят в той же базилике Гроба Господня византийские иконы. И бессмысленно спрашивать о том, когда в последний раз к ним прикасалась рука реставратора.

Но если в Израиле вопрос о музеефикации религиозных артефактов не ставится по политическим соображениям, то наши проблемы во многом связаны с отсутствием просвещения, с нежеланием некоторых высокопоставленных чиновников вплотную заняться вопросами культуры.

Пожолая ситуация сложилась во многих странах третьего мира: раритеты эксплуатируются в богослужебных целях без всякой оглядки на их культурную значимость. Но такая практика не соответствует мировому опыту.

Скажем, чрезвычайно интересен европейский опыт хранения памятников культуры и искусства, относящихся к религиозной сфере.

В дальнем зарубежье широко распространена практика совместного использования объектов религиозными и светскими организациями. Так управляют,

к примеру, Кёльнский собор в Германии и Нотр-Дам де Пари во Франции.

Зарубежный опыт показывает, что создание механизма взаимодействия государственных и конфессиональных органов возможно. К примеру, в Греции в музеях содержится масса православных икон, и все иконы, изготовленные до 1453 г., принадлежат государству, независимо от их местонахождения. Никакому греческому иерарху в голову не придёт просить о выдаче хотя бы временно иконы из музея церкви. Это абсолютно нормальная закономерность с точки зрения не только общей культуры, но и православной культуры. В Португалии, где по закону, принятому в 1911 году, все памятники, представляющие культурную ценность, были переданы государству, с 80-х годов прошлого века ситуация изменилась. Благодаря цивилизованному диалогу церкви и государства удалось создать или пере-квалифицировать несколько связанных с религиозной тематикой музеев – Сокровищницы соборов Лиссабона в Визеу, Музей Богоматери-Утешительницы в Фатиме, Музей Пия XII в Браге. Была учреждена Ассоциация церковных музеев, которой подписаны протоколы о сотрудничестве с полицией по особой программе «Безопасность церкви». Недавно между Министерством культуры и несколькими епископами Португалии принят протокол «Пути церкви», нацеленный на привлечение специалистов по реставрации и повышение доступности храмов с коллекциями для посетителей. Особый пример являет собой совместное решение с церковью проблемы сохранности культурного наследия в Ватикане. Наблюдение за состоянием зданий и экспонатов ведёт большая группа музейных профессионалов, а с церковной стороны в этом принимает участие Папская комиссия по культурному наследию Церкви, сотрудничающая с музеями, архивами и библиотеками во всём мире. Штат сотрудников музеев Ватикана (более тысячи) содержится за счёт церковных денег.

В Великобритании никакие перемещения из государственных музеев категорически не допускаются. Если Церковь изначально является владельцем объектов религиозного назначения, представляющих культурную ценность, то в интересах сохранности национального наследия контролирует их использование всё равно государство. Разумеется, с привлечением музейных специалистов и с проявлением уважения к нормам религиозной этики. Можно привести пример новых экспозиций Сокровищницы собора в Сейнт Эдмундсберри, созданных благодаря тесному сотрудничеству с музеями и светскими культурными организациями.

В Германии в результате секуляризации начала XIX в. множество ценных экспонатов перешло от церкви в собственность государства, которое предпочитает выплачивать за них компенсацию, но пересматривать существующие нормы не склонно. Власть и музеи запросы религи-

озных организаций выполняют сегодня редко и неохотно, что объясняется невозможностью следить за историческими и художественными ценностями после передачи их религиозным общинам, так как такая передача может нанести ущерб или привести к их полной утрате, в то время как ответственность за сохранность культурно-исторического наследия лежит на государстве.

В то же время после Второй мировой войны имущество, конфискованное нацистами у католической и протестантской церкви, было возвращено в костёлы и кирхи для создания музеев. Эти хранилища обеспечивались квалифицированными кадрами из лучших германских университетов. Благодаря государственной поддержке многие такие музеи поднялись до уровня научно-исследовательских центров мирового значения. В нулевые годы бундестаг принял очередные поправки к законам, позволяющие содержать за государственный счёт церковные раритеты, признанные национальным достоянием.

В Швеции насчитываются тысячи исторических объектов, на которые распространяется различная степень юридической защиты. Диапазон владельцев широк: от частных лиц и общественных организаций до региональных властей и государства. Владельцы обязаны заботиться о памятниках, отмеченных значком «К» – культурное наследие. В наиболее рискованной ситуации находятся переходящие из рук в руки старинные замки, новые владельцы которых порой стремятся модернизировать жильё по своим вкусам. Хотя нарушителей приговаривают к штрафам и обязывают восстановить разрушенное, вернуть зданиям первоначальный облик зачастую не удаётся. Храмы Швеции – в куда более благоприятной ситуации, поскольку веками принадлежали церкви. У шведского духовенства накопился богатый опыт сохранения принадлежащей ей собственности, так что их конфликты с музейщиками и реставраторами просто исключены.

В Италии наиболее значительные памятники церковного искусства, как правило, хранятся в музеях, но в храмах остаётся и достаточно много известных, прославленных произведений – достаточно вспомнить про древние чудотворные иконы в римских церквях. Что касается процесса формирования музейных собраний, то происходил он достаточно сложно, многоступенчатой и разными путями – так же, как и у нас в XIX столетии. Огромную роль играли здесь частные коллекции – например, коллекция кардинала Барберини, семьи Боргезе и другие. Многие произведения итальянского церковного искусства были в своё время куплены королевой Викторией и принцем Альбертом для их знаменитого Лондонского музея. Какую часть музейных экспонатов католическая церковь, вероятно, передавала государству сама – несмотря на то, что в Италии уже довольно давно наряду с государственными музеями существуют музеи епархиальные. В любом случае сложившееся положение вещей – результат постепенного мирного развития, которое шло естественным путем и не переживало никаких чрезвычайных «катаклизмов».

Представители церкви в этих странах всецело осознают свою ответственность за сохранность реликвий, обращаясь с ними в строгом соответствии с инструкциями специалистов, которые наблюдают за состоянием экспонатов, подбирая оптимальный способ хранения и экспонирования для собственников.

В России, к сожалению, паритета между клириками и музейщиками пока не получилось. Остается надеяться, что со временем мы выработаем взвешенные и учитывающие интересы всех сторон практики сбережения культурного достояния.

Борис Колымагин

Многие сугубо музейные экспонаты, не будучи «религиозными объектами», также находятся «на стыке» музейного и церковно-исторического интереса. «Святой Августин крестит катехуменов». Джироламо Дженга. Италия, начало XVI века

Первая мировая

Начало на с. 1

приёма Янушкевича, который уже с утра поверг Государя в недоумение и страдания: оказалось, что частичная мобилизация, на которую Николай с таким трудом дал согласие вчера, была практически невозможна: в Генеральном штабе такой проект, оказывается, никогда не разрабатывался! Да и как разделить Варшавский округ – он граничит и с Австрией и с Германией? Так не хватило мирного времени об этом подумать!

...А может быть, это и к лучшему? Даже освободились плечи Николая: значит, можно и никакой мобилизации пока не объявлять.

...О, нет, о нет! – страдал чувствительный Янушкевич не менее самого Государя... Нам удобно в случае тревоги сразу объявить всеобщую... И такой указ – о всеобщей мобилизации – вот, у него уже был подготовлен, привезён, ждал подписи Государя.

Николая даже отшатнуло. На всеобщую он не был согласен ни за что! (В Европе это будет воспринято грандиозно, грозно). Да какая необходимость? Он и на частичную-то вчера так неохотно согласился.

...Да ведь подпись Государя это ж ещё не мобилизация, это только начало пути: ещё нужно получить подписи трёх министров, ещё нужно передать в Сенат для опубликования... Это – только заблаговременная мера.

Ну, если заблаговременная, правда... Ещё же министры, а они не подпишут сами... Так настойчиво, так уговорчиво Янушкевич просил! В самом деле, раз частичной нет, а совсем никакой нельзя же не готовить.

...Подписал.

...И вдруг – облегчающая телеграмма, опять от дорогого Вилли! опять вразмин, ответ на предыдущую. Ну, конечно же! – он разделяет желание сохранить мир! Конечно, Россия может остаться только

зрителем и не вовлекать Европу в самую ужасную войну, какую ей приходилось когда-либо видеть. Непосредственное соглашение Петербурга и Вены и возможно и желательно, и Вильгельм прилагает все усилия для того. Но, конечно, военные приготовления со стороны России помешали бы его посредничеству и ускорили бы катастрофу.

...В десять вечера Николай в который раз спустился в комнату камердинера и велел соединить себя с военным министром и с Генеральным штабом. И металлическая трубка голосом шиплым, не похожим на изумительный бархат Янушкевича и даже в манере уже не такой предупредительной, стала упрашивать, что мобилизация – это не коляска, которую можно по желанию то останавливать, то двигать вперёд, что начальник штаба не может взять на себя ответственность за подобную меру...

– Тогда я беру на себя! – воскликнул Николай.

...что уже, может быть, и ничего остановить нельзя, посланы мобилизационные телеграммы в военные округа...

– Но как это возможно? Когда это могло произойти? А подписи министров?

Не мог же он их собрать за эти полтора часа!... Трубка нехотя и с перхотой выдавала, что подписи всех министров уже собраны в течении дня как предупредительная мера. Что уже и Париж и Лондон оповещены Сазоновым о начале нашей всеобщей мобилизации. Что в данный момент, вот сейчас, уже посылаются телеграммы в округа...

Остановить! Остановить! Слава Богу, он был не какой-нибудь выборный связанный президент, но монарх в своём отечестве! Остановить! Только частичная, – и дальнейших объяснений не хотел слышать Государь.

И как сразу опять полегчало!

...Слава Богу, утро четверга начина-

лось поспокойнее: не было тревожных телефонных сообщений. Лишь морской министр просил разрешения ставить минные заграждения в Балтийском море – и Николай не разрешил: на такое действие будет особое его повеление.

Если уж доверять Вилли – так доверять, надо рискнуть.

...А между тем уже и приехал за ним генерал-адъютант, вместе с Сазоновым.

...Сазонов стал говорить возбуждённо, непрерывно, долго. И иногда, правда, высказывал страшные фразы. Что наступил трагический час, который предпринимает участие России и участие династии. Что мы не можем так сразу пресечь свою славянскую политику. Что война, давно созревшая, стала теперь неизбежной. ... Что дипломатия – исчерпала свою роль. Совершенно явно, что Германия решила довести дело до столкновения – и безопасность государства требует встретить его во всеоружии. ...Да мы произведём мобилизацию как-нибудь тайно, в Европе даже не узнают.

Николай заходил, заходил по комнате как раненый, еле скрывая, что ломает пальцы. ...Он должен был вот сейчас, вот сейчас принять величайшее решение! – и ни присутствующие, ни отсутствующие, никто не мог помочь ему советом, а голос Господа не слышен был явно.

...Да, вспомнил он Сазонову, – что же ваша Англия? Что же стоило ей во все эти дни – сделать одно недвусмысленное заявление? И не было бы никакой задачи.

Да! вспомнил и Сазонов, уже он ехал сюда, в последнюю минуту ему подали свежее сведение: несколько часов назад германский флот вышел из Килья и на всех парах идёт в Балтийское море для внезапного нападения!

Как?? А Государь – не разрешил минировать!

И – как лопнули последние перенатянутые нервы! Урок Порт-Артура невоз-

Рядом с Николаем II – генералы Н.В. Рузский и Н.Н. Янушкевич

можно было забыть:

– Хорошо, вы убедили. Но это будет самым тяжким днём моей жизни.

И наступило облегчение.

Как всегда, когда уступишь.

Когда освободишься от решения.

...В 6 часов принесли телеграмму от Вильгельма.

Уже не было ласковости в ней. Никакого противоречия с демаршем посла; твоя мобилизация вызовет опасные серьёзные последствия. Ведь у Австрии до сих пор нет всеобщей мобилизации. Принятие решения ложится теперь всей своей тяжестью исключительно на тебя, и ты несёшь ответственность за войну или за мир.

... И первое движение было – позвонить Янушкевичу и отменить.

...Но – неловко было звонить отмену. (Он не знал, что телефон Янушкевича отныне сутки будет сломан).

...В почте было два письма, душевно пронзивших, застигли врасплох. Одно – от раненого Григория из Сибири, умолял не вступать в войну, грозил бедами. Другое из трёх слов: «Побойтесь Бога! Мать».

...И вдруг – принесли телеграмму от Вильгельма. Но – опять разминувшуюся. Они – перестали успевать. Они – перестали друг друга слышать, как слышали 20 лет...

Писал Вильгельм, что из-за русской мобилизации его посредничество становится призрачным. Что дружба его к Николаю и к России, завещанная дедом на смертном одре, всегда была для него

Комментарий одного из руководителей петербургского историко-культурного центра «Белое дело» Кирилла Александрова

Согласны ли Вы с точкой зрения А.И. Солженицына, что после августа 1914 года катастрофа для России была неминуема с духовной точки зрения?

Нет, не согласен. У меня нет ощущения предопределённости. Допускаю, что между августом 1914 года и февралем 1917 года события могли развиваться иначе, ведь в истории всегда действует свободная человеческая воля. Но мне хотелось бы обратить Ваше внимание на то, что исследователь изучает только состоявшиеся события, а рассуждения на темы «альтернативной истории» – не более чем приятное времяпрепровождение. Вместе с тем А.И. Солженицын, как мне кажется, очень преувеличивает значение поражения 2-й армии генерала А.В. Самсонова не только для всей войны в целом, но и для кампании 1914 года в частности. Во-первых, наш неудачный восточнопрусский поход в целом имел большое значение для срыва всего германского плана войны, а во-вторых, в то время как была разбита одна русская армия в Восточной Пруссии, мы одержали большую победу в Галиции, где войска под управлением генерала М.В. Алексея нанесли поражение четырёх австро-венгерским армиям. И галицийская победа самсоновского поражения сильно смягчила.

Конечно, есть ощущение, что катастрофа 1917 года и последующих лет – результат накопления отрицательного социального опыта, начиная едва ли не с раскола середины XVII века. Возможно, именно тогда был сделан первый шаг к катастрофе 1917 года. Затем последовало Петровское царствование – ужасное и несчастное, на мой (для кого-то парадоксальный) взгляд. С точки зрения развития благосостояния и укрепления необходимых для общества институтов, Пётр не приблизил, а отбросил Россию от Европы. Его деспотичный абсолютизм и многочисленные маниловские проекты привели не только к чудовищному

разрушению страны, но и завершились разрушением преемственности верховной российской власти вкупе с установлением по сути рабовладельческого крепостного права. Понятия «раб» и «крепостной» стали словами-синонимами. Другое дело, что в истории России XVIII–XIX веков, на мой взгляд, существовали многочисленные развилки и альтернативы.

Если же вернуться к событиям 1914 года, то полагаю, что у России были шансы достойно закончить Первую мировую войну. Однако ещё раз подчеркиваю, что это не более чем частное суждение, так как историк изучает состоявшиеся события, а не те, которые могли бы произойти, но не произошли.

Но ведь гораздо большее накопление негатива должно было произойти к началу Великой отечественной войны, однако к развалу фронта и бунту тыла (которые произошли в Первой мировой всего через два с половиной года после удивительного подъёма патриотизма в августе 1914) это не привело...

«Подъём» 1914 года оказался краткосрочным и поверхностным, тем более не стал бы утверждать, что деревня – в отличие от города – пришла в восторг от начала войны с малопонятными ей целями. Известия о первых фронтных неудачах, которым, кстати, придавалось весьма преувеличенное значение, способствовали быстрому угасанию восторгов и бодрых эмоций. Уже зимой 1915 года хватало признаков общественного уныния и недовольства властью, которая не удовлетворяла – в глазах общества – чаяний и надежд на лихие победы в духе кавалерийских наскоков. Ведь Февральская революция в значительной степени произошла под влиянием конфликта между реальностью и неоправданными общественными ожиданиями. Чтобы достойно вынести тяготы войны, включая усталость от военного бремени и фронто-

вых неудач, власти и обществу в равной степени не хватило такта и культуры политического диалога – но откуда им было взяться за два века абсолютизма? – а народу, в свою очередь, не хватило социальной прочности, которая укрепляется под влиянием Церкви, воспитания, институтов собственности и самоуправления, права, образования и культуры. Перечисленные институты существовали, развивались – слава Богу, почему так и осталась в памяти Россия предвоенная, интересная и необычная, живая и очень разная – но, увы, оказались слишком слабыми в экстремальной ситуации. Церковь тоже оказалась бессильной в качестве нравственного авторитета – глубокие и здоровые изменения в её подавленной государством жизни только-только ожидалась. Святых на Руси хватало, а вот милосердия, участия, честности, внимания к ближнему в частной жизни – увы, нет. Великая война же резко понизила качество армии, общества, обнажила массу проблем и активизировала многие застарелые болезни российского общественного организма. Кроме того, Великая война создала вооружённый народ. В этом смысле Октябрь, конечно, родился в России гораздо раньше Февраля.

А какие из перечисленных Вами институтов существовали в 1914 году?

Никакие. Но мы должны помнить, что летом 1914 года на войну вышло совсем другое государство и общество, другая власть и созданная ею колхозно-лагерная система, я бы даже сказал – другой народ, чем летом 1914 года. И краткосрочные результаты тоже были в известном смысле беспрецедентными – к зиме 1914/15 года в плену оказалось примерно 3,5 млн военнослужащих, вероятно, 200 тыс. перебежчиков (по численности – это две армии), а противник занял Киев, стоял на Дону, под Москвой и Ленинградом.

За счёт чего же тогда достигалась мобилизация народа?

За счёт государственного рабства, принудительного труда, безжалостности и безграничных возможностей номенклатуры ВКП(б), в руках которой находился мощный аппарат подавления и террора. Вячеслав Молотов не зря считал сталинскую коллективизацию важнее победы в Великой Отечественной войне.

Патриотический порыв, особенно среди городской молодёжи, родившейся в начале 1920-х годов, воспитанной пионерской организацией, комсомолом и массовым предвоенным кинематографом, было бы неправильно отрицать. Но система принуждения, созданная ленинцами и сталинцами, оказалась настолько масштабной, что не оставляла выбора. Мы помним, что «хлебные беспорядки» в столице в феврале 1917 года спровоцировали солдатский бунт запасных батальонов петроградского гарнизона. Зимой 1941/42 годов в Ленинграде люди дошли до крайней степени горя, отчаяния и выживания, включая людоедство – на протестные выступления сил уже не оставалось. Кроме того, за 1920–1930-е годы под влиянием эмиграции, бесконечных расстрелов – а было расстреляно около 1 млн человек за «контрреволюционные преступления» – а также прочих чисток, посадок, изъятий, ссылок в советском обществе произошла такая отрицательная социальная селекция, что ни о каком внутреннем сопротивлении говорить было уже нельзя. Да и характер этой жестокой идеологической войны стал совсем другой. Нацистская Германия – это не Германия императора Вильгельма II. XIX век, век технического прогресса, Жюль Верна и Буссенара, Пушкина и Достоевского, наивной веры в победу разума над общественными язвами – закончился в 1914 году. После Первой мировой войны, которая стала пьедесталом для Ленина, Сталина и Гитлера, возник новый мир сверхчеловека, мир обезбоженных человеческих отношений. Поэтому я бы не сравнивал войны 1914 и 1939 годов.

священна, но теперь вся вина за бедствия цивилизованного мира падёт не на него. Однако от Николая будто бы ещё зависит всё предотвратить – если Россия остановит военные приготовления.

Но Николай не видел – как. Разверзалась несдержимая, никем не управляемая бездна – и разносила их на разных обрывах.

... Пурталес принёс ультиматум Сазонову в полночь – и сроком всего в 12 часов, до полудня субботы, и с требованием остановить военные приготовления России.

Вечером же в пятницу пришли сведения о всеобщей мобилизации в Австрии, объявленной в те же часы, что и наша.

Утром в субботу, 19 июля, проснулся Николай в тревоге, не началась ли война. Нет, не началась.

... <Вечером> поехали ко всенощной, ещё молиться. Воротился умиротворённый.

И тут настиг телефонный звонок Сазонова: Германия объявила нам войну! – приходил граф Пурталес.

Это было так. Старик приехал, глубоко волнуясь, и спросил, может ли императорское правительство дать благоприятный ответ на ультиматум. Сазонов ответил, что общая мобилизация не может быть отменена. Граф Пурталес, всё более волнуясь, вынул из кармана сложенную бумагу и, как не слышавши ответа, повторил всё тот же вопрос. Удивлённый Сазонов повторил ответ. И снова, как в безумии, дрожа бумагою в руке, Пурталес в третий раз задал неизменно всё тот же вопрос. А после третьего ответа Сазонова, задыхаясь, протянул ногу с объявлением войны, отошёл к окну и, взявшись за голову, заплакал.

...А в воскресенье проснулся с оздоравливающим чувством. Путь жизни был выбран, и надо было жить им, не поддаваясь унынию. Уныние – тяжёлый грех. Вообще – вдруг почувствовал об-

легчение. Война – не больше как на год, а то на три месяца. От войны укрепятся национальные чувства, после войны Россия станет ещё более могучей...

Конечно, сам «Август Четырнадцатого» посвящён в первую очередь не политическим предпосылкам войны, а Самсоновской катастрофе – окружению и пленению огромной армии в Восточной Пруссии. Неспособности генералов услышать друг друга. Слабости некоторых офицеров – и бессмысленному в этой ситуации редко-му героизму или иногда вспыхивающему здесь или там пониманию ситуации. И лишь вскользь упоминается, что ценой этой жертвы, отвлёкшей на себя силы германской армии, спасён был Париж, где остановилось наступление Германии...

Впрочем, историософских размышлений в романе практически нет. Звучат лишь документы и многочисленные голоса живых людей, как исторических персонажей (в пересказе их мемуаров, дневников и писем), так и вымышленных героев разного социального положения, разных народностей – офицеров и солдат, московских адвокатов и ростовских промышленников, крупных землевладельцев и потомственных революционеров, и среди них – невольно пророческий голос выведенного почти что под собственной фамилией отца Солженицына, московского студента и в то же время хуторянина из донской станицы:

...Всего месяц назад, три недели назад, кажется никакой мыслящий русский гражданин не сомневался, что глава России – презренная личность, недостойная даже серьёзного упоминания, немисливо было без насмешки повторить его слова. И вдруг в день-два всё изменилось. По виду образованные и неглупые люди, никем не понуждаемые, собирались, строгие, около тумб – и с этих тупых цилиндрических тумбных туш им выглядело длинное титулование монарха совсем не смешным, и никем же

не понуждаемые тчецы громко читали ясными голосами: «Видит Господь, что не ради воинственных замыслов или суетной мирской славы подняли мы оружие, но оградя достоинство и безопасность Богом хранимой нашей империи, боремся за правое дело...» И никто не демонстрировал против царя.

А Саня в белой чистой рубашке был особенно степной, загорелый, примятые волнистые пшеничные волосы, пропалённые солнцем на крестьянской работе... Меж коротко подстриженными русыми усами и диковатой порослью ещё-небородки улыбался мягко, раздумчиво. И в глазах, как всегда, неперестанная внутренняя работа. А уже – и заглядывающее заострение – общее – увидела на нём. Уходил! – добровольно?..

– Саня! Не идите! – за плечи его. – Не уходите!

...От него же занята когда-то расудочную ясность она теперь порывалась ему вернуть, из водоворота выхватить его назад, как успеет. Она не готовилась, само натекало на язык... Десятилетия гражданской литературы, идеалы интеллигенции, надолголюбие студенчества – и всё отдать зашлёпать в один миг? Так поддаться тёмному патристическому чувству! изменить всем принципам! Ладно, он не был революционером, но пацифистом-то был всегда!

...Не находясь возражать, не защищаясь, Саня кивал. Грустно:

– Россию... жалко...
– Кого? – Россию? – ужалилась Варя.
– Кого Россию? Дурака императора? Лабазников-черносотенцев? Попов долгорясых?

...На загорелом санином лице под пшеничными бровями, над пшеничными усами голубели ясные, печальные, в себе не уверенные глаза.

Плечи чуть подняв, чуть опустив: – Россию жалко...

Комментарий французского историка литературы, слависта, профессора Жоржа Нива

Георгий Иванович¹, Вы согласны с мыслью Солженицына, которую он высказывает в «Красном колесе», – о том, что участие России в войне 1914 года неизбежно приводило к катастрофе 1917 года, что бесы начали разгуливать уже тогда?

Немецкий историк Эрнст Нольте считал, что Первая мировая война вместе со Второй – это великая общеевропейская гражданская война. Первая во всяком случае была великой гражданской войной между христианскими государствами. С обеих сторон священники благословляли пушки, полки и т. д. В нашей садовой деревушке (Франция) список погибших в этой войне – около 250 человек (во Второй мировой войне – 15 имён). У нас в каждой деревне, в каждом городе или селе вы обязательно найдёте памятник со всеми именами погибших; у вас, кажется, такая память существует только о жертвах Второй мировой. Что потрясает – что каждая крестьянская семья отдавала всех мужчин: отца, сыновей...

Резня Первой мировой войны привела к опустошению умов, к хаосу. Наверное, без этой катастрофы Россия могла бы продолжать свой естественный путь с реформами. Но сказать, что всё бы пошло по другому пути... В процессе написания «Красного колеса» Солженицын думал, что он найдет ключ ко всему этому. И этот ключ он даёт в статье, которая называется «Уроки февраля»: что всё это учинили либеральные политики, всё началось с них, а большевики, октябрьский переворот – это последствия. Во втором томе «Красного колеса» он даёт враждебный портрет Павла Милюкова, как будто Милюков виноват во всём. Александр Исаевич в Стэнфорде и в Калифорнии читал все парламентские отчёты, всю прессу: ему посылали микрофильмы. Всё это я видел у него, и это колоссальный труд. Но он не учитывает, например, жанр парламентской речи. Если вы возьмёте, скажем, речь в парламенте в Париже и будете судить о жизни Франции по этим речам, вы не получите верного представления. И если мы будем судить о России по речам вашей Думы, то мы ничего не поймём. Так что здесь он со-

вершает ошибку как историк, но он её исправляет, потому что под конец, в «Апреле 1917», суждение о Милюкове смягчилось значительно. Очень интересно проследить, как меняется отношение автора к персонажу. А для будущих исследователей это огромное поле.

На «Красное колесо» можно смотреть по-разному, и я это доказываю в своей книге «Солженицын: борец и писатель»³. Там я повторяю одну идею, которую выдвинул перед Натальей Дмитриевной на первой конференции в Америке. Я сказал, что «Красное колесо» – это гениальная неудача. Я имел в виду, что автор «Красного колеса», действительно, хотел показать, где сломался, где сбился с пути «паровоз России». Ну, например, штаб собирается, и он смотрит на лица генералов. Это на самом деле подлецы, которые обманут царя, Россию, трусливо поведут себя. И он пишет, как изменились русские лица. Они раньше дышали добротой, широтой души, а теперь они злые, узкие, совсем изменились. Однажды я его спросил: «Александр Исаевич, Вы много говорите об изменении русских лиц, но Вы не даёте ответа на вопрос, почему они изменились, почему этот добрый с широкой бородой русский мужик, который изображал собой святую Русь, вдруг превратился в локомотив, который поднимается на колющую, чтобы свергнуть колокола, всё уничтожить и повсюду нагадить». Он добродушно рассмеялся и ответил приблизительно так: «Да, Вы меня поймали. Может быть, я не совсем это объяснил». Ему казалось, когда он писал «Уроки Февраля», что у него есть этот ключ, а в «Красном Колесе» ключа нет. Но это гениальная неудача, потому что ведёт перо не он как публицист, а он как романист, художник. Такое бывает со всеми великими художниками, возьмём ли мы Бальзака или Толстого. Я попытался это доказать, и Наталья Дмитриевна поняла, что я, во всяком случае, не враг, а большой поклонник... и простила!

И в Первой, и во Второй мировой войне наши народы были союзниками. Сохраняется ли память об этом во Франции, сказывается ли на отношении к России?

В какой-то мере я себя чувствую «гражданином Европы». И я считаю: была первая Европа, Европа отцов-основателей: Жана Монне, Робера Шумана, Конрада Аденауэра и генерала де Голля. Без них не было бы той Европы, которая преодолела страшную гражданскую войну, а мы её начали и один раз, и второй раз, не учтя ошибок ни с одной, ни с другой стороны (хотя, конечно, сторона Гитлера виновата бесконечно больше, но объяснение феномену Гитлера тоже есть: это, как все уже знают, последствия Версальских трактатов⁴).

Вторая Европа возникла для меня после того, как рухнула коммунистическая империя и в особенности Берлинская стена. Польша, Чехия, Словакия, Румыния, Прибалтика стали Европой. Это был трудный процесс, который вполне удачен, что касается Польши.

И теперь «третья Европа» – в ваших руках. Потому что нельзя мыслить Европу без Украины, Белоруссии и России – то есть без восточных славян. А среди них гигантская Россия, с наследством гигантской империи – и с замечательной культурой, которая и есть часть европейской культуры. Это значит, что мы не мыслим Европы без России, но и также без её сестер... Как это осуществить – я не знаю. Рецептов у меня нет – ни политического, ни геополитического. Но иначе быть не может, если, конечно, Россия захочет этого. Конечно, это будет Европа вплоть до Владивостока. Представить себе Беларусь и Украину в лоне Европы, но отдельно от России, тоже немисливо. Я считаю, что главная задача молодого поколения – построить эту «третью Европу». Конечно, можно возразить, что это идёт против идеи Евразии. В какой-то мере – да, но ведь каждый член Европы входит и в другие конфигурации. Одно другому не мешает.

¹ Жорж Нива разрешает своим знакомым в России называть его так, переделав на русский лад и свое имя, и имя своего отца Жана.
² Солженицын А.И. Размышления о Февральской революции. М.: Росийская газета, 2007.
³ Нива Жорж. Солженицын: борец и писатель. СПб.: Вита Нова, 2014.
⁴ Мирный Версальский договор был подписан между участниками Первой мировой войны в 1919 году. Унизительные для Германии условия договора способствовали в дальнейшем приходу к власти в стране нацистов во главе с Гитлером.

Несколько слов о войне

За 20 лет священнического служения не припомню ни одного случая, когда кто-нибудь спросил бы о том, как относиться православному христианину к войне. Да, некоторые вещи, часто очень важные, мы принимаем не задумываясь, словно едем по наезженной кем-то колее... Действительно, стоит ли рассуждать, когда в действующем катехизисе читаем: «Не есть незаконное убийство, когда отнимают жизнь по должности, как-то: 1) Когда преступника наказывают смертью по правосудию. 2) Когда убивают неприятеля на войне за государя и отечество».

«Отнимают жизнь по должности»... А как же новозаветная уже заповедь о любви к врагам? Но вот блаженный Августин не находил противоречия между идеалом любви к ближнему и необходимостью телесно умертвить его в бою. Но было ли такое отношение к убийству на войне изначально свойственно христианам? Датируемые концом II в. «Каноны Ипполита» говорят: «Солдата, находящегося на государственной службе, следует учить не убивать людей и отказываться делать это, если ему приказано». Но быть на римской государственной службе во II веке – не то же, что на рубеже III–IV, когда создавал свои произведения Августин. В христианской империи – христианская армия. Да и как без неё, если враг на пороге? Она будет защищать христианское государство, церковь, храмы, Самого Бога, в конце концов.

Всё понятно, всё объяснимо, всё логично. Но как же трудно – нет, невозможно! – представить воюющего Христа! Да, можно вспоминать Ветхий Завет, множество войн по прямому повелению Бога, но – всё равно – вообразить Иисуса или ап. Павла с автоматом невозможно, верующее сердце этого вместить не способно! Вот и в церкви опыт древнехристианского пацифизма не исчез совершенно: многими канонами не однажды подтверждалось категорическое запрещение брать в руки оружие священнослужителям и монахам. То, что в древности было естественным для всех христиан, остаётся только для духовенства, мирянская совесть освобождается для мирского воинствования. Хотя по сей день остаётся 3-е правило св. Василия Великого, на три года отлучающее воинов, убивавших на войне, от причастия.

В подтверждение позиции «за православную войну» можно подобрать цитаты, приводить примеры святых... Можно... А ещё можно и нужно взглянуть внутрь войны, беспристрастно, оставив все идеологии, постараться заглянуть в человека на войне (особенно на войне XX в.). Это трудно, но это надо, в конце концов, сделать! Легко, конечно, рассуждать о войне, когда у тебя мирное небо над головой и пороха ты не нюхал. Легко рассуждать о войне, которую видел в кино и о которой читал в художественных произведениях. Но давайте возьмем себе в помощь хотя бы вот такие выводы очевидца и непосредственного участника. «Война – самое большое свинство, которое когда-либо изобрёл род человеческий, война всегда была подлостью, а армия, инструмент убийства – орудием зла. Война – самое грязное и отвратительное явление человеческой деятельности, поднимающее всё низменное из глубины нашего подсознания. Война превращает человека в злобное животное и убивает, убивает». Мемуары Н.Н. Никулина – документальный труд, написанный не для государственных премий, а для правды.

Есть, конечно, и другая сторона пацифизма – пацифизм равнодушный, лицемерный и безответственный, а значит, вовсе не христианский...

Окончание на с. 8

Несколько слов о войне

Начало на с. 7

Размышляя о войне, о христианском отношении к ней, я набрёл на статью Н. Бердяева «Мысли о природе войны»¹, написанную им на следующий год после начала Первой мировой. Не встречал более глубокого и ответственного осмысления духовных истоков войны.

«Зло войны есть знак внутренней болезни человечества. В глубине духовной действительности давно уже началась мировая война, мировая вражда, ненависть и взаимоистребление. И та война, которая началась в конце июля 1914 года, есть лишь материальный знак совершающейся в глубине духовной войны и тяжёлого духовного недуга человечества. В этом духовном недуге и духовной войне есть круговая порука всех, и никто не в силах отклонить от себя последствия внутреннего зла, внутреннего убийства, в котором все мы жили. Война не создала зла, она лишь выявила зло. Всё современное человечество жило ненавистью и враждой. До войны, в мирной жизни убивались души человеческие, угашался дух человеческий, и так привычно это было, что перестали даже замечать ужас этого убийства. Ответственность человека должна быть расширена и углублена. Вся наша мирная жизнь покоится на насилии и убийстве. И до начала нынешней мировой войны мы насиловали и убивали в самой глубине жизни не меньше, чем во время войны. Человечество, не просветившее в себе божественным светом тёмной древней стихии, неизбежно проходит через крестный ужас и смерть войны. Мы все виноваты в войне, все ответственны за неё и не можем уйти от круговой поруки. Зло, живущее в каждом из нас, выявляется в войне, и ни для кого из нас война не есть что-то внешнее, от чего можно отвернуться. Необходимо взять на себя ответственность до конца. Низко было бы возложить на других убийство, которое нужно и мне, и делать вид перед самим собой, что в этом убийстве я не участвую. Лицемерно делать вид, что мы сами никогда не насиловали и не убиваем и не способны насиловать и убивать, что другие несут за это ответственность. Всякий искренно желающий вытеснить немцев из пределов России духовно убивает не менее, чем солдаты, которые идут в штыковую атаку. Убийство – не физическое, а нравственное явление, и оно прежде всего совершается духовно. Нравственно предосудительно желать быть вполне чистым и свободным от вины насилия и убийства, и в то же время желать для себя, для своих близких, для своей родины того, что покупается насилием и убийством. Есть искупление в самом принятии на себя вины. Нравственно выше – возложить на себя ответственность за ближних, приняв общую вину.

Абсолютное отрицание насилия и войны... предполагает одухотворение, побеждающее «мир» и его родовый закон, просветление тела человеческого нездешним светом. Абсолютное не изменяется, а достигается. Пусть этот мир перейдет к абсолютной жизни в любви. Желать можно только этого и только к этому можно стремиться. Совершается это таинственно и незримо, как незримо приходит Царство Божие. Но не имеет никакого внутреннего смысла желать внешнего мира и отрицать всякое внешнее насилие, оставляя внутренне мир в прежнем хаосе, тьме, злобе и вражде».

То, что произошло в XX веке (хотя не только в XX) и происходит сейчас, лежит грузом ответственности на мне, потому что я – христианин. Моим Спасителем дано мне задание: одухотворять мир, просветляя (по выражению Н. Бердяева) себя и ближних «нездешним светом». Я не могу бороться со злом мира, проливая кровь тех, за кого кровь пролил Сын Божий; я не имею права абстрагироваться от этого зла, успокоившись в собственной непричастности. Я могу, мне дано Им право и дар, побеждать вместе с Ним зло и войну победой Его крестной Любви.

Священник Георгий Лазарев

¹ Бердяев Николай. Судьба России. М., 1918.

Миниатюра из «Жития Сергия Радонежского». XVI в.

ми его духовное влияние. Тем не менее справедливость требует указать, что новое аскетическое движение пробуждается одновременно в разных местах, и прп. Сергий как бы возглавляет его.

...Не без сожаления встречает он первых своих учеников, которых не могли отпугнуть труды сурового жития: Так же вздыхает он и отрывается, понуждаемый братией взять на себя игуменство после смерти Митрофана. Но, «побежден был от своего милованного братолюбия», принимает поставление от епископа, вместе со священством, от которого он отказывался доселе. Наконец, он получает от Цареградского патриарха грамоту, чрезвычайно смутившую его смирение: с предложением устроить в монастыре «общее житие». Сергий советуется в Москве с митрополитом, и лишь тогда заводит у себя общежитие, взяв на себя всё бремя хозяйственной и административной ответственности. Письмо патриарха Сергию косвенно свидетельствует о том,

Преподобный Сергий

Начало на с. 1

Из книги Георгия Федотова «Святые Древней Руси»

что кинофильм жизнь, разрушившаяся в Киеве ещё в XII столетии, ко временам Сергия была уже неизвестна на Руси. Так, шаг за шагом, прп. Сергий возвращается из излюбленной им пустыни в человеческий мир, хотя бы замкнутый монастырской оградой, – чтобы вскоре переступить и эту самую ограду. Пустыню он завещает своим более счастливым ученикам, сам же выходит на проторенную стезю Феодосия.

Для бедной богословием Руси Пресв. Троица ни до Сергия ни после него не была предметом умозрения, – и мы с необходимостью придём к предположению, что в лице прп. Сергия мы имеем первого русского святого, которого, в православном смысле этого слова, можем назвать мистиком, т. е. носителем особой, таинственной духовной жизни, не исчерываемой подвигом любви, аскезой и неотступностью молитвы. Тайны его духовной жизни остались скрытыми для нас. Видения суть лишь знаки, отмечающие неведомое.

Но в свете этих видений вполне позволительно указать на родственность духовной жизни прп. Сергия современному ему мистическому движению на православном Востоке. Это известное движение исихастов; практиков «многого делания», или умной молитвы, идущее от св. Григория Синаита с середины XIV столетия. Новую мистическую школу Синаит принёс с Крита на Афон, и отсюда она широко распространилась по греческому и юго-славянскому миру. Св. Григорий Палама, Тырновский патриарх

Евфимий, ряд патриархов Константинопольских были её приверженцами. Богословски эта мистическая практика связывалась с учением о Фаворском свете и божественных энергиях.

В свете мистической традиции, которая утверждается среди учеников прп. Сергия, его собственный мистический опыт, озаряемый для нас лишь видениями (можно сопоставлять светоносные видения Сергия с Фаворским светом исихастов), приобретают для нас большую определённую.

Когда митрополит Алексий перед кончиной хотел избрать прп. Сергия своим преемником, возложив на него попечение об общерусском церковном (и, конечно, государственном) деле, Сергий оказался непреклонным: «Владыко святыи, аще не хочещи отгнати мою нищету от слышания святыни твоея, прочее не приложи о сем глаголати к моей худости». Сергий умел отстоять на какой-то границе права своей духовной жизни и над национальным церковным служением. Но и ему приходилось приносить жертвы родине, как ранее – своим братьям. В его завершённой святости, по-видимому, не было места для тяжёлых конфликтов, – или они остались скрыты от нас. Преподобный Сергий, в ещё большей мере, чем Феодосий, представляется нам гармоническим выразителем русского идеала святости, несмотря на заострение обоих полярных концов её: мистического и политического. Мистик и политик, отшельник и кинобит совместились в его благодатной полноте.

На вопрос о наследии преподобного мы попросили ответить профессора Давида Гзгзяна

О преподобном Сергии Радонежском катехизаторы говорят во время таинствования в связи с догматом о Троице. Можно ли считать, что его опыт – некая прививка этого догмата на русскую почву, не с богословской точки зрения, а скорее с жизненной – переосмысление тонких и, может быть, недоступных в то время для русского ума греческих категорий и их целостное воплощение?

Опыт прп. Сергия – это уникальный опыт пронзительного мистического переживания троичности как явления

божественного мира, божественной красоты и Божьей любви. В определённом смысле можно сказать, что это особая, чрезвычайно ценная форма выражения церковного учения. Я бы даже не очень хотел бы употреблять тут слово «догматика» в силу возможных формалистических коннотаций. Я не думаю, что служение преподобного Сергия – это компенсация некой невосприимчивости русским умом греческих философских или богословских категорий в ту эпоху. Тут, мне кажется, всё гораздо интереснее и в этом смысле ценнее. Во времена Сергия в Византии имел место короткий всплеск духовного движения к живому,

непосредственному созерцанию Бога в Его обращённости к миру (в форме исихастской традиции). Не знаю, было ли тут существенное влияние – это предмет дискуссий – но важно то, что в опыте преподобного, так, как он нам известен по наиболее достоверным источникам, Троица предстает как явление живого Бога, как Богоявление любви и красоты, единства и мира, преодоления вражды, вселенской розни. И надо сказать, что тут лучше возгореть не о компенсации, а о творческой уникальности этого жизненного и в определённом смысле богословского опыта.

«Троечисленное число всему добру начало...»

Скажем несколько слов о заказчике иконы прп. Андрея Рублёва или, лучше сказать – заказчиках, хотя одного из них на момент заказа уже не было среди живущих. Вот что пишет об этом автор «Сказания о святых иконописцах» – источника, появившегося приблизительно через полтора-два столетия после написания «Троицы». «Преподобный отец Андрей радонежский, иконописец, прозванием Рублев, многая святых иконы писал, все чудотворные <...> А прежде живяше в послушании у преподобного отца Никона Радонежского. Он повеле при себе образ написати святых Троицы в похвалу отцу своему святому Сергию Чудотворцу <...>».

Как много ценных сведений уместилось в нескольких строчках! И о том, что иконы Рублёва считались чудотворными. И о том, что он не один год провёл в Троицком монастыре. И главное – что «Троица» написана по заказу игумена Никона, но «в память и похвалу» его духовному наставнику, «отцу», основателю этой и нескольких других монашеских обителей, которого сейчас называют «игуменом земли Русской», преподобному Сергию Радонежскому. Стоит напомнить, что ученики Сергия в течение сравнительно небольшого времени создали более 100 монастырей, причём большинство из них – в новых, «нецивилизованных» местах.

Но только ли потому написана эта икона, что преподобный Сергий дал такое имя своему монастырю? Нет, потому что

его посвящение Святой Троице – очень редкое на Руси, первое в Средней Руси и единственное в ней на долгие годы – было им глубоко осознано. Монастырь во имя Святой Троицы он создал для того, чтобы у тех, кто пришёл туда жить, как писал автор одной из лучших книг о русской иконе начала XX века, князь Евгений Трубецкой, «взиранием на Святую Троицу побеждался страх ненавистной розни мира сего».

Современнику и автору жития преподобного Сергия, Епифанию (кстати, дата написания жития – 1418 год – также может быть датой написания «Троицы». – А.К.), принадлежат удивительный по изяществу формы текст о числе «три». Завершает свой текст Епифаний, не случайно прозванный Премудрым, размышлением о Самой Святой Троице, о единстве божественных Лиц, о том, что у них «единая сила, единая власть, едино господство». И подчёркивает особую роль в почитании Троицы преподобного Сергия, о котором ещё в его детстве было возведено, что он «будет некогда Троицы служитель [троичный ученик], еже и бысть, и многиа приведет в разум уведения Божия». Это значит, что и сам преподобный Сергий, и его ученики, среди которых можно твёрдо (пусть и заочно) числить Андрея Рублёва, смогли увидеть, что победа над «ненавистной рознью» может быть достигнута не внешним единством перед лицом общей опасности, а только полным единством с Богом. Единством, которым должна

быть пронизана вся человеческая жизнь. Для его достижения, как с очевидностью следует из написанного выше, Сергий предлагал своим последователям не созерцание иконы Святой Троицы (скорее всего, икон в его монастыре вообще было немного, и они были простого письма), а обращённость внутреннего взгляда – ума и сердца – к Ней Самой. Но, может быть, именно поэтому одним из плодов его монашеского «делания» стала прекраснейшая из икон Святой Троицы – «Троица» Андрея Рублёва.

Александр Копировский.
Из статьи «Троечисленное число всему добру начало...»
(«Русский мир.ру», 2011, № 1)

Сегодня назрела острая необходимость в катехизации

**Интервью с Николаем Фуштеем,
катехизатором церковно-приходской школы
при Свято-Дмитровском храме Кишинёва**

Николай Фуштей – катехизатор-мирянин с многолетним опытом, кандидат богословия (по молдавской научной классификации – доктор теологии), кандидат исторических наук, научный координатор Института истории, государства и права Академии наук Молдовы. Окончил энергетический факультет Кишинёвского политехнического института, затем Московскую духовную семинарию и Московскую духовную академию, преподавал основы богословия и церковное право в Кишинёвской духовной академии. Наша беседа состоялась в воскресный день, сразу по окончании встречи по катехизации 4-й старшей катехизической группы, которую ведёт Николай Фуштей.

Добрый день, домнул¹ Николай. Благодарим Вас за согласие дать интервью для газеты «Кифа». Разрешите задать Вам первый вопрос.

Приход Свято-Дмитровского храма в Кишинёве известен как очень живой, сюда приходит много людей, здесь много причащающихся. Ещё мы знаем, что здесь есть школа катехизации и Вы много лет служите в ней катехизатором. Расскажите, пожалуйста, как всё начиналось, как Вы пришли к этому, что Вас на это служение вдохновило.

Начинал я не здесь, и инициатива основать эту школу принадлежит не мне. В 1990 году Дмитровский храм был ещё в полуразрушенном состоянии, но после богослужений люди не хотели уходить из храма, и его настоятель, ныне митрофорный протоиерей Павел Борщевский, проводил с ними беседы о вере. Потом, когда навели порядок, стало приходиться больше людей, и батюшка сам уже не справлялся – крещения, венчания, другие требы занимали много времени. Поэтому он привлёк к катехизической работе с детьми матушку Наталью Пэдулару (это жена священника, служившего здесь в 1949–1953 гг., до закрытия храма).

Потом пришёл дьякон Сергей, преподаватель английского языка, работавший тогда в лицее им. Иона Крянгэ. Позднее, в 1993 году, пришёл я, затем Сергей Сажин, Ангелина Савин. Так постепенно образовался преподавательский коллектив, и мы стали организовывать занятия в специализированных классах по возрастам. Сегодня у нас есть первая группа для научения детей с 6 до 8 лет, вторая группа – с 9 до 12 лет, третья – с 13 до 15 лет, и четвёртая – для всех, кто старше 15 лет. Курсы у нас трёхгодичные. Каждые три года мы начинаем новый набор, и научение начинается с нуля. В течение трёх лет к курсам могут присоединиться и другие люди, при условии, что они самостоятельно изучат пройденный материал по книге², чтобы не выглядели свалившимися с луны и понимали, о чём идёт речь.

Три года – это серьёзный, длительный срок. Есть ли у Вас в программе определённые этапы?

В каждой группе есть своя программа, которая рассчитана на три года, и на каждый год разработан план по темам. Ведётся журнал, где записываются темы каждого урока. Стараемся, чтобы к концу курсов весь материал мы прошли.

Какое место в Вашей программе Вы отводите чтению Священного Писания?

В группе 12–15 лет вся программа посвящена занятиям по толкованию Священного Писания. В следующей возрастной группе, старше 15 лет, мы подразумеваем, что люди знакомы с Библией, и там мы изучаем учение Церкви, которое должен знать каждый сознательный христианин.

Каких плодов Вы ожидаете от тех, кто приходит на встречи? Как, на Ваш взгляд, проявляется ответственность мирян за Церковь, особенно после пройденного ими курса катехизации?

Я заметил, что прошедшие катехизацию становятся взрослее, ответ-

Окончание на с. 2–3

**При Миссионерском
отделе Казанской
епархии создано
Братство святителя
Николая Японского**

Возглавил братство протоиерей Сергей Титов, руководитель Миссионерского отдела, клирик Петропавловского собора Казани.

Целью Братства является объединение активных православных христиан для поддержки миссионерских инициатив на территории епархии: миссионерских поездок, миссионерских богослужений, церковных просветительских и социальных мероприятий, дискуссионного кино клуба.

– Мы считаем себя верующими активными, регулярно участвуем в богослужениях или выступаем от имени Церкви на конференциях, но зачастую от нашего внимания уходит то, что наша Церковь нуждается ещё и в заботе и деятельной поддержке каждого из нас. Многие хорошие миссионерские инициативы испытывают настоящий дефицит кадров, многие верующие в удалённых населённых пунктах по много лет не слышали живого христианского слова. Наша цель объединить верующих людей, обладающих знаниями, возможностями и желанием действовать для поддержки нашей Церкви. Мы лишены максимализма и не собираемся заниматься агрессивным миссионерством среди всех и вся. Наша цель помочь взрастить те ростки веры, которые уже есть на нашей родной земле, – говорит протоиерей Сергей Титов.

Святой покровитель новосозданного Братства – выдающийся русский миссионер, равноапостольный святитель Николай Японский (1836–1912), положивший начало православной Церкви в Японии, переводчик Священного Писания и богослужения на японский язык, блестящий знаток японской культуры, до сих пор пользующийся большим уважением в стране своего служения.

– Нам чрезвычайно близки идеи и подходы, посредством которых доносил истину веры святитель Николай Японский, – объясняет протоиерей Сергей Титов. – Проповедь Православия в условиях современного секулярного общества, особенно в нашем поликонфессиональном регионе, должна быть сопряжена с таким же тактом, с таким же твёрдым стоянием в истине, с таким же уважением к чужим мнениям, как у свт. Николая Японского.

Сайт Казанской митрополии

В Судане помилованная христианка арестована за попытку покинуть страну

27-летняя Мериам Ехийя Ибрагим (Meriam Yehya Ibrahim), являющаяся христианкой по вероисповеданию, в мае была приговорена к 100 ударам кнутом и смертной казни через повешение за отступничество от ислама и внебрачную связь. Несмотря на то, что женщина замужем за гражданином США, также являющимся христианином, шариатский суд Судана отказался признать брак законным.

В суде Ибрагим заявляла, что после того, как её отец-мусульманин ушёл из семьи, она воспитывалась матерью-христианкой и сама исповедует эту религию. Однако, по мнению суда, будучи дочерью мусульманина, женщина должна следовать исламу. Таким образом, Ибрагим сочли вероотступницей. Ей дали несколько дней, чтобы отречься от христианства, однако она отказалась это сделать. После вынесения приговора женщина находилась в камере для смертников в женской тюрьме города Омдурман. Вместе с Ибрагим там был её 20-месячный сын Мартин. В ночь на 24 мая она также родила дочь в тюремной больнице.

Согласно новостям, опубликованным AFP, после родов с неё сняли цепи (по исламскому закону любой приговоренный к смертной казни должен провести остаток жизни до исполнения приговора прикованным цепями). По сообщению одного из адвокатов, условия её содержания изменились после «предписаний врача», а не вследствие принятия решения судьей.

Президенты Комиссии и Совета Европы, лидеры ведущих религиозных общин Европы обратились к Судану с призывом отменить «бесчеловечный приговор», после чего приговор был отменен.

Сейчас Ибрагим вновь арестована – за попытку покинуть страну, сообщает Agence France-Presse. Источник, близкий к семье, сообщил, что Ибрагим и её муж Дэниэл Вани (Daniel Wani), являющийся гражданином США, были задержаны в аэропорту Хартума. Отмечается, что о судьбе их двух малолетних детей пока ничего не известно.

Седмица.ru

Сегодня назрела острая необх

ственнее, даже взрослые «взрослеют». Они уже не бросаются словами, как это обычно бывает на первых этапах обучения. Вначале они уверены, что всё знают, на всё могут ответить, а в конце курса – начинают задумываться, как правильно сказать от имени Церкви. Начинают размышлять примерно так: «Многое может мне показаться правильным, но соответствует ли это действительности? Не погрешу ли я против учения Церкви, против Слова Божьего, не внесу ли я своё, выдавая это за учение Церкви?» У людей появляется ответственность, когда они говорят о Боге, о Церкви. Думаю, что это хорошо, ведь дело Божье – дело ответственное, и нужно нести ответственность не только за дела, но и за слова.

Как, на Ваш взгляд, обстоят дела в катехизической деятельности в православной церкви Молдовы? Что следует предпринять церковному руководству и народу Божьему для того, чтобы катехизация проводилась повсеместно?

Я не такой дерзкий, чтобы давать советы церковным властям. Я могу сказать о том, что может сделать любой христианин. Мне кажется, что всякий человек, который считает себя христианином и хочет жить по-христиански, обязан что-то делать для ближнего. Если я вижу, что мой брат-сосед не знает о христианской вере и у него есть желание о ней знать, то я, как наученный христианин, обязан с ним поделиться. Это наша обязанность. Думаю, что такая инициатива должна исходить не от церковных властей, а прежде всего от нас, верующих христиан. Может быть, сначала организовать кружки по катехизации, потом возможна и школа катехизации.

Сегодня в проповеди в храме прот. Павел Борщевский говорил, что, к сожалению, в настоящее время в Молдове, несмотря на статистику про 95 % православных, на самом деле, 70 % – это язычники. Это чаще всего проявляется при совершении таинства крещения. У восприемников и у ребёнка, которого крестят, можно увидеть всё, что угодно – и красные нити на запястьях, и знаки зодиака. Восприемник, который должен взять на себя ответственность за воспитание ребёнка в христианской вере, не знает даже Символа веры. Вместо крестика у него на груди – знак зодиака, козла или ещё чего-то. Кто в его жизни главный – Христос или какой-то козёл? И такой человек считает себя христианином, что совершенно невозможно, если он

носит на себе языческие знаки.

Не берусь судить о других поместных церквях, но считаю, что для нашей церкви в Молдове назрела острая необходимость в катехизации, несмотря на заявляемые 95 % православных в стране. Люди приходят в церковь и ничего о ней не знают. Приходят затем, чтобы им повезло в бизнесе, или чтобы соседку Господь наказал за то, что она запустила кур в их огород, или ещё за чем-то подобным. У большинства входящих чисто языческие потребности. Поэтому те, кто имеет сознательную веру, должны ею делиться, и как можно больше нужно искать моделей катехизических движений. Мне думается, что в нашей стране назрела необходимость появления нового движения, подобно тому, как в Греческой церкви в 50-х годах XX века появилось движение «неоортодоксия» – «новоправославие». Там тоже в одно время церковь опустела, потому что люди смотрели на неё как на фольклор, национальную традицию и не понимали её абсолютную необходимость для жизни человека. Тогда появилось молодёжное течение, когда молодые люди пошли в народ и начали говорить о Боге, о Христе, о Церкви, и теперь, слава Богу, в Греции храмы полные.

Думаю, в нашей республике тоже назрел момент, когда нам нужно идти в народ и проповедовать слово Божье, проповедовать Христа, и сказать людям о том, чего Бог ожидает от человека и что человек может желать от Бога, что может просить у Него. Сегодня перед нами встала насущная необходимость – надо воцерковлять людей. И для этого нужны горячие сердца, особенно среди молодёжи, и они могут начать такое движение – неоортодоксия, которое может стать новым дыханием в нашем православии. К сожалению, у нас люди православные на словах, но далеко не на деле.

Домнул Николай, получается, что программа катехизации, которая осуществляется в Дмитровском приходе, – это восполнение той катехизации, которая должна была быть до крещения человека. Сегодня в наших условиях это восполнение необходимо. Конечно, правильнее научиться вере до принятия крещения, но у нас в основном крестят младенцев...

Даже если мы крестим младенцев, это никак не освобождает нас от необходимости катехизации. Есть практика в других церквях, когда не крестят ни младенцев, ни детей другого возраста,

ОДИНОЧЕСТВО В КАТЕХИЗАЦИИ

если их родители и восприемники не прошли минимальный курс катехизации в течение месяца. А для взрослого это тем более необходимо. Он должен осознанно креститься. Нужна его личная вера, отсутствие которой не заменит вера восприемника. Поэтому, как минимум, он должен знать Символ веры и краткое его изъяснение. Нужно уметь выразить то, во что веришь. Месяц для научения основам веры – это минимальный срок. В Кишинёве римо-католики не крестят, не венчают, пока человек не пройдёт минимальный месячный курс катехизации. Я не думаю, что мы должны быть хуже. Мы же считаем, что наша вера правильная, православная.

Необходимо более серьёзно подходить к совершению таинства крещения. Должен быть обязательный период катехизации человека, который хочет креститься. А после крещения нужен следующий этап – продолжение курса катехизации.

Вспомним историю первых веков христианства. Человек, который хотел креститься, должен был найти человека – поручителя, и вместе они шли к епископу. Тот беседовал с кандидатом в христиане, и если убеждался в серьёзных намерениях человека, то записывал его в группу катехизируемых 1-й ступени. Человек слушал примерно три года поучения, объяснения основ православия, и это считалось кратким научением, без особого углубления. После этого он опять приходил на собеседование. Епископ или священник смотрел, насколько он понял научение трёх лет. Если успешно, то его записывали в группу следующей ступени – более высокой, где он проходил более углублённую катехизацию. После этого вновь было собеседование, и тогда в субботу перед Пасхой его крестили. В литургии Преждеосвященных Даров сохранилось свидетельство этого, когда с третьей недели Великого поста добавляется специальная молитва о просвещаемых, то есть о тех, кто готовится к крещению на Пасху. Человека готовили к принятию таинства несколько лет! И при этом было много супостатов, отступников от веры. А мы хотим, чтобы в наших условиях люди были настоящими верующими, без их научения.

Было ли в Вашем опыте, чтобы взрослый человек прошёл катехизацию до крещения?

Да, есть у нас один человек, который сначала был православным, потом принял католичество по личным мотивам. И теперь снова решил стать православным. Мы, конечно, не имеем права за-

крыть двери любому человеку, который хочет прийти к Богу. Но перед этим человеком мы поставили условие – он должен прочесть книгу², после этого побеседуем, чтобы понять, насколько он правильно понял, что в ней написано. Важно прояснить, насколько серьёзно его намерение прийти в православие, так как один раз уже был отказ от него. Мы поставили срок подготовки – три месяца, чтобы прочесть книгу, подумать хорошо и прийти осенью. Тогда мы примем решение, готов ли человек принять православие или ещё нет. Этот человек как раз сейчас проходит период подготовки. Осенью посмотрим.

У нас неверно люди понимают, для чего нужно крещение. Бабушки говорят, что нужно крестить ребёнка, чтобы не плакал по ночам. Или, например, в последнее время часто происходят следующие случаи. Девушка из Молдовы, вышедшая замуж за турка и живущая в Турции, во время приезда в Кишинёв приходит с ребёнком в храм, чтобы его крестить втайне от отца. Так ей сказала мать – надо крестить, и пусть муж не знает. Мы говорим такой женщине: понимаешь, что ты будешь жить с ребёнком в Турции, и отец обратит его в мусульманство. Получится, что ребёнок поневоле откажется от Христа. А это страшная вещь, страшнее ничего не может быть. Мы убеждаем такую маму не накладывать на ребёнка непосильное бремя. Никому не пожелаю оказаться в роли человека, отказавшегося от Христа. Лучше умереть, чем до такого дожить. Такое крещение будет не во спасение, а в осуждение. Мы советуем: не надо крестить, а нужно показать своей христианской жизнью, что христианином быть лучше, достойнее. Своей жизнью покажи, что наш Бог – Бог Истины. Воспитавай ребёнка в христианской вере. И когда он станет взрослым, даже если был принят в ислам, а потом примет христианское крещение – оно будет ему во спасение.

Нельзя крестить по принципу: «пусть будет на всякий случай». В церкви так не должно быть. Мы или с Богом, или без Него. Нельзя одновременно находиться в двух лодках, потому что рискуешь упасть в воду. Если ты пришёл ко Христу, значит, ты должен твёрдо решить, что от Него никуда не отступишь. Если же ты отступишь от Христа, то лучше тебе было не родиться.

Позвольте задать Вам ещё один вопрос. Вы стали катехизировать в 1993 году. Как случилось так, что Вы, мирянин, стали катехизатором?

Я стал катехизатором ещё в Сер-

гиевом Посаде в 1989 году. Обучаясь в духовной семинарии, потом в академии, я вёл катехизические уроки в техникуме для инвалидов. Он находился на территории Гефсиманского скита в военном городке в Сергиевом Посаде (тогда назывался Загорском). Там по пятницам, каждую неделю, я проводил катехизацию.

Это было Ваше послушание? Вас благословил Ваш духовный наставник?

Да, отец ректор благословил, потому что пришли из этого монастыря с приглашением, так как они хотели открыть воскресную школу. Я сначала занимался с маленькими детьми. С ними тоже было интересно заниматься. Но потом из техникума также изъявили желание посещать воскресную школу. Естественно, что в одну группу нельзя было собирать детей 7–8 лет и молодых людей 17–20 лет. Разные интересы, разные способы мышления. Тогда я пригласил другого семинариста, которого определили заниматься с детьми, а меня – со студентами техникума. Это продолжалось с 1989 по 1993 год. Потом я приехал в Кишинёв и оказался здесь, в Дмитровском храме.

У Вас уже было много выпусков огласившихся. Всегда ли продолжительность катехизации составляла 3 года?

Нет, сначала курс длился один год, пока у меня самого был маленький опыт. Потом постепенно опыт накапливался, собирался новый материал, и для всей программы стало не хватать одного года. Так пришли к трём годам. И для остальных возрастов тоже увеличили продолжительность, чтобы более подробно пояснить темы и детям, и взрослым.

Беседовала Алина Патракова
Продолжение в следующем номере
«Миссионерского обозрения»

Фото с сайта Православной Церкви Молдовы

¹ Domnul – в переводе с рум. «господин», общепринятое в Молдове обращение к взрослому человеку

² Nicolae Fuștei. Creștinismul pe înțelesul tuturor. Chișinău, 2012. / Перев. с рум.: Николай Фуштей. Христианство для каждого. Кишинев, 2012.

Катехизаторов и миссионеров должно быть больше, чем священнослужителей

Из выступления Святейшего Патриарха Кирилла на заседании Высшего Церковного Совета

17 июня в храме Христа Спасителя в Москве состоялось очередное заседание Высшего Церковного Совета Русской Православной Церкви, сообщает пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси. Обращаясь к участникам заседания, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, в частности, сказал:

«Сегодня на повестке дня – утверждение проекта Положения о церковном лицензировании и аккредитации образовательных организаций по программам специалистов в области катехизической, миссионерской, молодёжной и социальной деятельности. Этот документ – ещё один шаг к развитию всех этих родов деятельности, в первую очередь на приходском уровне. Я обращаю внимание на то, что специалистов в указанных сферах нам нужно сегодня больше, чем священнослужителей. Ведь катехизатор, миссионер, молодёжный и социальный работник должны со временем появиться на каждом приходе. Более того, приход, который их лишён, даже при жертвенном служении священника не сможет развиваться. Вот почему перед нами сегодня стоит очень ответственная задача.

В последние годы мы проводим системную работу, касающуюся организации приходской жизни. Есть опреде-

лённые результаты, но предстоит ещё многое сделать. Приходы должны быть сильными не только благодаря деятельности священнослужителей – даже ярких и харизматичных, – но в первую очередь благодаря развитой системной работе во всех тех областях, относительно которых Церковь проявляет особую заботу и которые Церковь связывает с духовным благополучием народа, со спасением людей. А такая работа сегодня немыслима без мирян, которые являлись бы специалистами в тех областях, о которых я только что сказал».

– Подготовка миссионеров, катехизаторов, молодёжных и социальных работников – является сегодня важнейшим приоритетом нашей Церкви, наравне с реформой богословского образования. Поэтому неслучайно мы с вами на каждом заседании Высшего Церковного Совета рассматриваем эти вопросы, и полагаю, что и нынешнее заседание должно помочь нам сделать важный шаг вперёд на этом добром пути, – завершил свою речь Патриарх Кирилл.

Информационная служба Преображенского братства по материалам Патриархия.ру

Немного статистики

За последние три десятилетия в США удвоилось количество атеистов

Процент американцев, которые верят в атеистическое развитие, удвоился – с 9 % до 19 % – с 1982 г., согласно недавно изданному обзору Службы Гэллапа (Gallup).

Согласно данным исследования, 42 % американцев полагают, что «Бог создал людей в значительной степени в их существующей форме некогда в течение прошлых 10 000 лет». В 1982 г. таковых было 44 %.

31 % американцев полагают, что «люди развились за многие миллионы лет из других форм жизни, но Бог осуществлял этот процесс». В 1982 г. тех, кто думал подобным образом, было 37 %. В настоящее время 19 % американцев полагают, что «люди развились за многие миллионы лет из других форм жизни, но Бог не принимал никакого участия в этом процессе».

Седмица.ру

Опрос показал, сколько православных появилось в России и как часто верующие посещают храм

Социологи фонда «Общественное мнение» (ФОМ) провели в конце мая этого года опрос, касающийся религиозной принадлежности россиян. Его итоги свидетельствуют, что доля россиян, относящих себя к православным, выросла с 52 % в 1997 году до 68 % в текущем.

19 % респондентов сообщили, что не считают себя верующими, 6 % исповедуют ислам, к другим христианским конфессиям (католики, протестанты, униаты, баптисты и др.) причисляют себя в целом 1 % опрошенных, сообщает «Интерфакс».

При этом, как выяснилось, сегодня лишь 13 % православных можно назвать воцерковлёнными – они посещают храм раз в месяц и чаще, постоянно причащаются, молятся церковными молитвами, выполняют утреннее и вечернее правило. Большую же часть православных можно назвать полувоцерковлёнными (29 %) и немного воцерковлёнными (27 %), но в этом году их число сократилось, а больше стало слабо (с 16 % до 22 %) и очень слабо воцерковлённых (с 8 % до 10 %), показали исследования ФОМ.

На вопрос социологов, как часто вы обычно посещаете храм, треть респондентов (32 %) признались, что

никогда там не были. Каждый пятый (19 %) бывает в храме несколько раз в год, каждый шестой (18 %) один-два раза в год, каждый седьмой (14 %) – реже одного раза. 8 % подтвердили, что ходят в храм каждый месяц.

Как выяснилось, причащаются граждане ещё реже: 63 % респондентов никогда этого не делали, по 10 % – реже одного раза в год или один-два раза в год, 4 % – несколько раз в год.

Большинство опрошенных (76 %) сообщили, что практически не соблюдают церковных постов, 7 % – только Великий пост, 4 % – Великий пост и некоторые другие главные посты. Лишь 2 % соблюдают все главные посты.

41 % опрошенных сообщили, что практически никогда не молятся, 29 % молятся своими молитвами, ещё 13 % – иногда своими, а иногда церковными молитвами, 6 % – исключительно церковными. При этом 59 % сообщили, что никогда не читали Евангелие и другие тексты, положенные христианам для чтения (с той или иной периодичностью читают в целом 13 %).

Опрос проводился среди жителей 100 населённых пунктов в 43 субъектах РФ с участием 1500 респондентов.

Источник: <http://www.newsru.com>